

Сказочная поэма о путешествиях
оживших игрушек

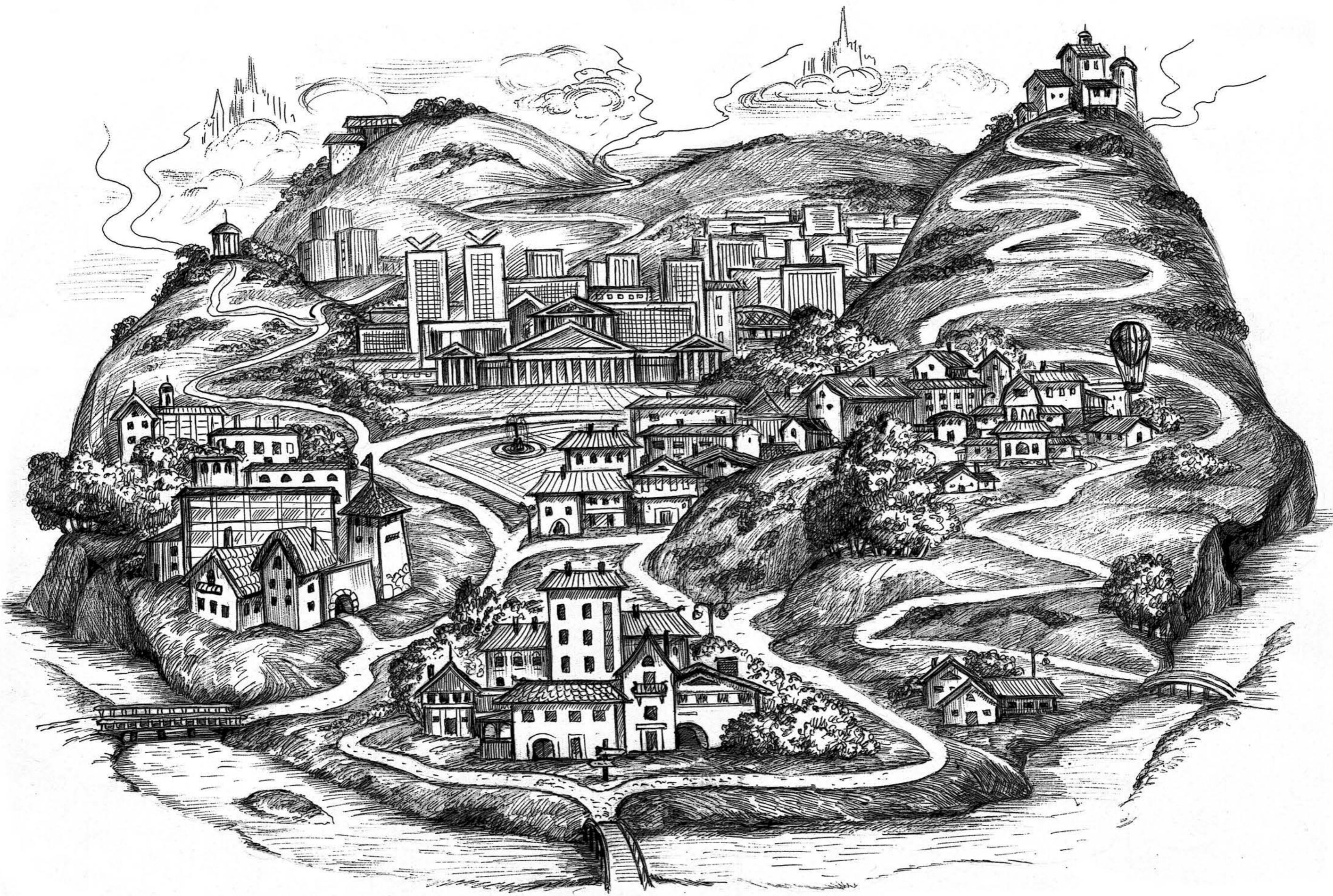
Город Дорог

Анатолий Шутый

Анатолий Шутый

Город Дорог





Анатолий Шутый



Сказочная поэма
о путешествиях оживших игрушек

Ульяновск
УлГТУ
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ш 97

Шутый, Анатолий

Ш 97 Город Дорог: Сказочная поэма о путешествиях
оживших игрушек / А. Шутый. – Ульяновск :
УлГТУ, 2017. – 223 с.: ил., вкл.

ISBN 978-5-9795-1717-9

Ожившие после потери своего хозяина четыре игрушки отправились в странствие... Они бродили по родному городу и совершили кругосветное путешествие, были в иных мирах и гостили в Сказке... И везде они помогали тем, кого встречали: соединяли людей, дарили радость, помогали побороть несчастье. А еще им открылись тайны мира и человечества: природа души, наше прошлое и будущее, замыслы врагов Добра и то, как противодействуют им Силы, ведущие нас к победам.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Шутый А.М., 2017
ISBN 978-5-9795-1717-9 © Оформление. УлГТУ, 2017

**Глава первая, в которой
говорится о страшном
происшествии и последующем
за ним удивительном чуде,
соединившем горе и радость.**

Начну, пожалуй, не с начала,
А как придется – легче так.
Начну, как сердце застучало,
Как утром делается шаг.

К тому же где оно – начало?
Движенье? Мысль? Стремленье? Шаг?
Когда от солнца небо ало?
Или когда густеет мрак?

Начало в сердце – в жизни стук!
Вот я и слушаю его.
А может быть, в последнем звуке,
Когда вся жизнь слилась в одно.

Не важно, как я рассуждаю –
Не в этом смысл, не в этом суть –
Важнее то, что начинаю,
И это наполняет грудь.

Всё, всё потом на место встанет,
Распределится по листам.
Что будет... будет уж не тайной.
Взглянуть сейчас бы, что же там!

Уже вокруг меня... не тени
(Тут вспомнил «Фауста» пролог),
И дня я не хочу быть с теми,
Кто тени здесь – помилуй, Бог!

Я чувствую вокруг дыханье,
И на картине алый мак
Качнулся будто от касанья...
Пора уж начинать. Итак.

***О неизвестном ученом, который
любил мечтать и смотреть в окно***

О нем вы не найдете в томе
Энциклопедий. Век уже
Он жил в довольно старом доме,
И не на первом этаже.
Кем был, скажу немного ниже.
Как звали – тоже не вопрос:
Не это имя было ближе,
Но назовем его мы Os.

Один он был или с супругой,
Тут ошибиться я могу:
Подробности укрыты вьюгой,
Исчезли в прошлую пургу.
К тому ж не очевидна правда:
Душа одна иль не одна,
Кому она и в горе рада,
И за кого болит она.

Не надо доверяться слогу,
Где всё известно одному.

Открыта эта тайна Богу,
А нам вторгаться ни к чему.
 В окно любил смотреть подолгу –
 Так просто или ждал ее...
 И песню напевал про Волгу...
 Ну что еще. Пожалуй, всё.

Теперь о главном: он в науке
Мечтал плодов своих достичь,
И, чтобы «взять жар-птицу в руки»,
Стерпел бы всё – и кнут, и бич.
 Хотел он размышлять о многом
 В уединении, в тиши,
 Но тайны были скрыты Богом
 Для непроверенной души.

Великое мечтал он знанье
Дать людям – силу, свет идей, –
Но, видно, было и желанье
Чуть выше стать среди людей.
 Иль оправдаться перед всеми, –
 За что и сам себя корю, –
 За всё дарованное время,
 За боль, за грех, за жизнь свою.

Но за исканья не награда
Ждала его, не истин сок,
А будто ставилась преграда,
Иль, может, просто он не мог.
 Не мог, но начинал всё снова –
 Как средь песчинок муравей –

И снова ложным было слово,
И мысль, и направленье к ней.
Есть в поисках мученье, право, –
Среди камней янтарь искать,
И неизвестно, есть ли право
Его у моря отнимать.
 Так проходили лета, зимы...
 И снегом улетали вдаль.
 Полеты их необъяснимы.
 Нам жаль, что было, и не жаль.
Года быстры – лишь ночи долги.
И чья-то шаль, как снежный путь...
И память... и игрушки с полки
Давали сердцу отдохнуть.

О его игрушках

Забыл сказать я про игрушки –
Про увлечение его:
Солдаты, звери, нэцке, пушки...
Не перечислить тут всего.
 Плоды фантазии чудные,
 Иначе объяснить нельзя,
 Он говорил, что все *живые*,
 И все они – его друзья.
Как будто остаешься в детстве
Желаньем, поиском чудес...
Со сказкой легче среди бедствий,
Среди разлук... Труднее – без.

К окошку ставились зверушки,
Чтоб знали, время каково.
Иль поворачивал друг к дружке,
Чтоб не скучали без него.

Неужто всё это напрасно,
Фантазии неужто зря,
И в яви всё до «ять» нам ясно,
И «аш два о» творят моря?!
И как невидимое нами
Запрятать в комнаты орех?
Как разместить между стенами
Другую жизнь, и боль, и смех?

Иные возразят резонно:
Мол, у игрушек нет души,
Хоть и река чудес бездонна,
Такое ты поди сыщи!
Не буду спорить и повязку
Не повяжу я на глаза –
Всё так, но мы же пишем сказку –
Вверху фантазий паруса!
А может, Небо и подарит
Здесь *неживому* кровь и дух!
Один разок, на нашем Шаре,
Чтоб дух *живого* не потух!

***О страшном и печальном
происшествии***

И так бы длилась жизнь игрушек –
Не знаю: быть или не быть, –
Но дом под утро был разрушен.
Взорвался, рухнул в камни, в пыль!
 Возможно, газ, возможно, бомба –
 Быть могут тысячи причин...
 Стояли люди возле гроба
 Того, который жил один.
А рядом меж камней валялись
Они – медведи и слоны...
Солдатики и не пытались
Собрать у рухнувшей стены.
 До них ли, право; лишь дивиться
 Возможно – аж в глазах горчит,
 Когда такое тут творится,
 Когда... да что там... Помолчи.

***Об удивительном чуде,
по неизвестным пока причинам
последовавшем за трагедией***

И незаметно ночь настала,
Легла, как говорят, плащом,
Покрывшим черных бед немало.
Но вот сказать хочу о чём.

Когда стал шум от горя глуше,
И стих когда набатный бас,
У четырех его игрушек
Забилось сердце в тот же час.

Одна – Медведь из лазурита,
Размером с детскую ладонь.
Теперь нога немного сбита,
Но в облике добро и бронь.

Вторым был Носорог из бронзы,
С огромным шаром на спине.
Задумчивый, совсем не грозный –
Такой мне виделся во сне.

Солдатик – классики образчик,
Подтянутый – хоть на парад!
То был симбирский барабанщик –
Родного города солдат.

Была последней Черепашка
Из пластика, совсем мала.
Ах память, ты что неваляшка:
Как Черепашка мне мила.

Они взглянули удивленно
На небо! Голос сердца стих...
Оно торжественно... бездонно...
Такого не было у них!

Смотрело небо на малюток,
Действительно полуживых...
Летело время первых суток
Дороги долгой... для *больших*.

Там на углу был столб фонарный –
К нему игрушки подошли
Под слабый свет пустынный, рваный,
Как маяка в морской дали.
Прижались к серому бетону
На малом света островке.
Простор открыт был только зову
На колокольном языке.

Но как понять разливы Зова?
И почему они живут?
Куда и Кем судьба ведома?
Зачем они остались тут?

Не сталь и не подобны воску –
Живущие должны терпеть.
«Давайте выйдем к перекрёстку, –
Своим друзьям сказал Медведь. –
Быть может, встретим там кого-то...
И окна светятся в домах...
Наступит скоро непогода:
Уж птицы жмутся на ветвях.

Здесь неприветливо, безлюдно:
Что ожидает у руин?!
Конечно, дальше будет трудно,
Да только тут – конец один».
Держась друг друга, осторожно,
За шагом шаг, за шагом шаг
Пошли во тьму... Помилуй, Боже!
Наверно, нужно было так.

Но никого не повстречали
На перекрестке в этот раз,
И ни к кому не постучали,
А шли всё дальше... в поздний час.
 Забились где-то под доскою.
 Был рядом только Божий храм.
 И дождь пошел с такой тоскою,
 Как будто кто-то плакал там.
Заснули. Черепашке только
Под шум от капель не спалось.
Порой луны светила долька
Сквозь дождь и хмарь, и тучи сквозь.

***О Муське – черепашке, жившей
в семье до описываемых событий***

Воспоминания чужие
В душе разлились как моря...
С другою черепашкой жили
И брат с сестрой, и вся семья.
 И сердце будто тонет в грусти,
 И больно, что ни говори,
 Когда я здесь пишу о Муське:
 Она была как член семьи.
Под батареей небольшою,
Не понимая века бег,
И с черепашьёю душою,
«Как самый мирный человек»
 Жила, ничем не досаждая,
 С мечтою о песке, траве...

О солнце без конца и края –
Всё это видела во сне.

Под окнами одна сидела
На малом света островке
И выходила в зал несмело,
И засыпала в уголке.

Была как ангел молчаливый,
Как старожил и как дитя.
Ее под елью схоронили,
С трудом проталину найдя.

И вот теперь в игрушке что-то
От той души отозвалось –
Тех образов живая нота.
А с неба всё сильнее лилось.

***О появлении ушедшего в мир иной
хозяина игрушек и открытии тайны
происходящего***

В грозе мелькнула вся округа,
Блеснул как будто силуэт
Ее товарища и друга,
И заструился добрый свет.

Не показался: действием дивным
Знакомый образ рядом был,
Свечою он горел под ливнем
И, чуть спеша, заговорил:

«Что не давалось, что таилось
При жизни прошлой – на земле, –

Теперь душе моей открылось,
Как в сказке или же во сне.
 За все искания – награда –
 Мне это знание дано,
 С ним можно дальше быть от ада,
 Приблизить духа торжество!

Но знанье донести не в силах
Живущим – не открыть мне дверь, –
Рукам без крови, пальцам стылым
Пера не удержать теперь.

 Одна возможность мне осталась:
 Покуда сорок дней идут,
 Пока связь с миром не распалась,
 И силой образов я тут,

Всё передать могу невинным
Новорожденным существам,
С кем не был злым я и обидным –
Всё передать могу я вам!

За словом слово... дальше... фразу...
За часом час и день за днем...
Нельзя вот так – открыто сразу –
Иначе всех спалю огнем!

 Природа мне поможет в этом:
 Гора и степь, реки исток...
 След на воде мелькнет ответом,
 Слова отобразит песок...

Пусть не поймете смысл посланья,
Вам нужно только всё собрать –

Из «кирпичей» построить «зданье»
И знанье людям передать!

Но не прогулка будет – схватка:
Судбина или мы сильней.
Так торопитесь: время кратко –
Осталось тридцать девять дней!
 Поможет Бог и все святые –
 Пришел я Промыслом Его.
 Иначе ведь – слова пустые,
 И будет гнилостным ядро.

Конечно же, и без посланья
Светило Правды всё вершит,
Но с ним уменьшатся страданья,
Добро быстрее победит!

Давайте же идите, дети!
Могу назвать так только вас –
Одни помощники на свете.
В счастливый путь да в добрый час!
 Тут образ, что явился дивно,
 Погас, как дождь свечу залил.
 Всех Черепашка разбудила
 И рассказала, кто с ней был.

Сказал Солдат: «Вот это служба!»
Медведь слезу сдержать не смог:
«В дороге нам поможет дружба!»
И улыбнулся Носорог.

***О начале путешествия друзей
и о растворенных в воздухе голосах
из прошлого***

Дорога шла немного в гору,
Росли кусты невдалеке...
Шептали листья: в эту пору
Они шуршат на ветерке.
 Что тут росло и день встречало,
 Должно быть, помнило *его*...
 Меж листьев что-то застучало:
 Пульс заглушить трудней всего.

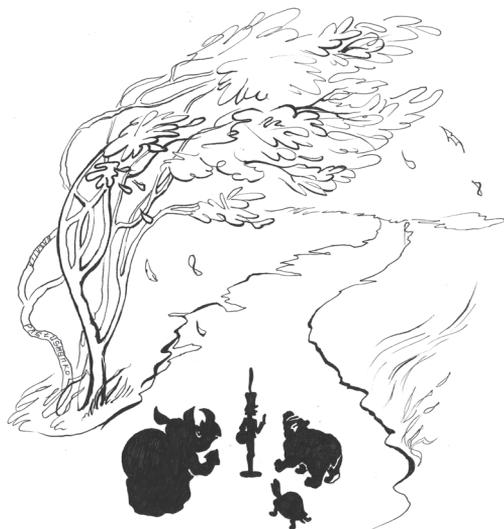
Шумы от улицы вторичны –
Вот пролетели голоса...
Еще недавно столь обычны,
Теперь – как на сердце слеза.
 И эти листья записали,
 Как в книги жизней шаг и взгляд...
 И как мы шли, и как устали...
 Для этих листьев нет утрат.

Лишь здесь уходят речи, лица –
Недолговечен этот след.
И закрывается *страница* –
И листья падают на снег.
 Быть новой жизни очевидцем,
 Иной листок растет весной.
 И падает потом, и снится...
 Мы с ними в *повести* одной.

Но главы не положишь в папку,
Не зачеркнешь, где был не прав...

.....

Они всё дальше шли по парку
И вглядывались в лица трав.



***Глава вторая, в которой
говорится о путешествии друзей
по родному городу и о тех, кому
они смогли помочь.***

Я тоже буду где-то рядом
Идти за ними наугад,
И буду слышать звон и ладан,
Как шепчется под ветром сад...

Я стану вспоминать бывшее,
Что прожил я... или не я...
Мне кажется – нас было двое:
Со мной была мечта моя.

А ныне добрые малютки
Сопровождают разум мой.
Пройдем мы век – земные Сутки,
Года, как метры, – чередой.

***О дороге, что рядом, на которой
и мечта, и память***

Дорога впереди и сзади,
Над ней пространства густота.
Кто на бегу с дорогой сладит –
Всё скажет с первого листа?

Особенно она тревожна,
Как ветер галькой зашуршит...
На ней родное видеть можно,
Когда в округе ни души.
Вот мой отец спешит с работы
И на окно бросает взгляд...
Все тихо, лишь Вивальди ноты
Звучат во мне семь лет подряд...
Черты возлюбленной мелькнули —
Счастливым днем, но не сейчас, —
И ветры зимние подули...
Дорога разлучила нас.

На ней воспоминаний блики,
И образы надежд на ней,
И лица... нет, пожалуй, лики —
Они июльских дней ясней.
Но для судьбы моей пустынна
Теперь дорога за окном.
И сердце, будто взор, застыло
На теплом вздохе на одном —
На той мечте... мне с ней не больно,
Ее повсюду я ищу,
И жду я до сих пор неволью
И в прошлое не отпущу.
Когда смотрю я на дорогу,
Мечту хочу увидеть там,
Чтобы с родимыми, по Богу,
Быть вместе неразлучно нам.

Так, значит, на дороге тут же
И явь, и память, и мечты.
И время их ночами кружит,
То ставя, то снося мосты.

Сегодня я живу мечтою,
А завтра – лишь во мне она,
И перечеркнуто чертою
Всё, чем душа была полна.

Боюсь совсем ее отбросить,
Как смерти близких мне людей.
Пусть лучше в сердце будет проседь –
Останусь я навеки с ней.

Моя мечта вольется в сказки,
Не как обман себя и всех –
Она добавит будням краски,
Ведь сказкой жить совсем не грех.

Моя мечта, как сердцевина:
Она из памяти выросла,
Из жизни – из меня, как сына, –
Но ей не подыскать числа.

Ее не объяснить годами
И наперед не рассчитать.
Мечта становится плодами
Того, что нам не распознать –

И теплых рук прикосновений,
И веры в то, что всё пройдет,
А в дни иные и сомнений,
Что кто-то нас во тьме найдет.

Мечтаю... помню... не забуду –
Мой дальний свет и мой уют.
Мечта и память вместе всюду.
Они замерзнуть не дают.
 Но я отвлекся, не нарочно,
 Уплыл на облаке-ладье –
 В стихах, наверно, это можно.
 А путешественники где?

***О приветливом разговорчивом
кустике, об отце и сыне***

Вначале им казалось жестко
Идти вперед, но как могли
Они уже до перекрестка,
Устав порядочно, прошли.
 И всё же я не понимаю,
 Как удаётся им идти.
 Пока за ними наблюдаю –
 Стоят недвижно на пути.
Но отвлечешься на секунду,
Глядишь – они уже не там.
Подробно объяснять не буду –
Да, непонятно это нам.
 Они, как мы, идут как будто
 (Порою обгоняя стих),
 Но в «сказке», что идет попутно
 Вдоль всей дороги возле них.
И могут прыгать через лужи,
И оттолкнуть или обнять,

И ежиться, дрожать от стужи,
И паутинку с ветки снять...
 Всё, как и мы, но тут не видно –
 Прикрыто сказочным платком.
 А мне за это необидно –
 Пойму когда-нибудь потом.

Итак, они у перекрестка –
Налево парк, направо дом.
Игрушек непривычных горстка
Остановилась под кустом.

И куст, слегка шурша ветвями,
Заговорил: «Привет! Привет!
Издалека слежу за вами.
Недавно вышли вы на свет?
 Я что-то раньше вас не помню.
 Какая позвала нужда,
 И вышли для чего на волю?
 Быть может, помощь вам нужна?»

И слова вставить не давал он –
Устал стоять и всё молчать:
Прохожих было тут немало,
Но разговора не начать.

«Как хорошо, что Вас застали, –
Сказал Солдатык невпопад, –
Точнее, что Вы нас признали,
Ну, то есть... В общем, очень рад!» –

«Да, мало кто меня услышит,
Вот и молчу я день-деньской.
Ведь куст и говорит, и дышит!
И часто мается тоской.

Так что вы ищете? Возможно,
Зеленый луг, тенистый сад!
Я покажу – совсем несложно.

Там клены дивные стоят...» –

«Нет, нас ведет другое дело», –
Медведь неловко перебил.
И Носорог продолжил смело:
«Хозяин наш тут раньше был?»»

И рассказали всё неспешно,

Что ищут и идут куда.

Куст переспрашивал, конечно,

Вздыхал и отзывался «Да...»

Потом, как был рассказ окончен,

Задумался и загрустил.

«Я тут стою и дни, и ночи –

Кто только тут ни проходил.

И судьбы разные, и лица...

Но быстро ускользают вдаль.

И пролетают, будто птицы,

Чужие горечь и печаль.

Бывает, радость ненароком

Промчится шумною рекой,

И в небе чистом и высоком
Помашет ангел ей рукой.
Того ж, о ком вы рассказали,
Наверно, видел много раз,
Но вспомню ли сейчас... Едва ли.
Тем огорчу, конечно, вас».

«А кто тут проходил под вечер?» –
Спросила Черепашка куст.
«И тут порадовать вас нечем:
Вчера был перекресток пуст.
Мужчину каждый день я вижу,
Но он не тот, кто нужен вам.
Он стал как будто чуть пониже.
Идет, не различая ям.
Он пожилой и веки влажны,
И губы иногда дрожат.
По меньшей мере вижу дважды –
Идет сквозь парк, потом назад».

«Ну что ж, тогда пойдем, наверно, –
Вздыхнул Солдат, – пора и в путь». –
«Постойте! Буду рад безмерно:
Есть просьба – задержитесь чуть.
На перекрестке я посажен,
И все бы было хорошо...

Бордюр уже порядком сглажен –
Стою как будто голышом.

При повороте тут машины
Нет-нет и лишнего возьмут,
И дальше заезжают шины,
И корни уж мои скребут!

А вы камней бы привалили –
Валун, кирпич бы принесли
Вон тот, неподалеку, или
Полегче, чтоб нести смогли.

Вокруг меня сложите горкой.
Земли сгребите, наконец.
И жизнь моя не станет горькой.
И каждый будет молодец!»

«Помочь всегда мы будем рады!
И принесем, и укрепим –
Не будешь больше без ограды.
Хоть что-то мы да смастерим!»

И все кивнули Носорогу:
«Поможем! Славно! Не беда!»

И понемногу-понемногу

Взялись тащить не без труда

Большие камни и коряжки,
И щебень, что лежал вокруг.
Досталось всем – и Черепашке.
Они работали как жук –

Как скарабей, что всех сильнее
(Ему лишь все они под стать)!
Медведь аж стал еще синее,
Не разрешив себе устать,
Копал песок, сгребая в кучу,
А Носорог кирпич толкал,
Солдат тянул большие сучья
И Черепашке помогал.

Когда же нанесли немало
И разровняли колею,
Там фотография лежала –
В тетрадке тонкой на клею.
Ее увидели случайно:
В земле загнулся уголок.
И как-то стало вдруг печально:
На фото славный паренек,
Он добродушно улыбался,
Подмигивая будто нам,
Но в сердце трепет оставался,
И стало солоно глазам.
Нет для предчувствия основы,
Но взмах его неотвратим.
Мы думаем и смотрим снова,
Но бесполезно спорить с ним.

В тетрадке и на этом фото
Чуть различимые слова:

Помимо даты-места, что-то,
Что не расскажет вам глава.
А Черепашка заучила
На всякий случай этот текст.
Уже под вечер это было,
И ни одной души окрест.

Тетрадку положили тут же –
Наверно, в метре от куста,
Подальше от грязи и лужи –
У лопушиного листа.

«Смотрите, тот мужчина в парке,
О ком недавно говорил.
Вчера в руке не видел палки.
Как сильно сдал – смотреть нет сил».
Действительно, тихонько шел он,
При этом будто бы спешил.
Такой печалью взгляд был полон...
Он тут неподалеку жил.

И голова почти седая.
Да он уже совсем старик.
Куст показал, листвой кивая,
Его друзьям и чуть поник.
Когда тот с ними поравнялся,
Вдруг встал, дыхание прервав,
И что-то разглядеть пытался
Среди пожухлых влажных трав.

Потом, «сынок» сказав тихонько,
К тетрадке старой подбежал,

Поднял ее он как ребенка,
И фотографию прижал.

Понятно стало всем, конечно, –
То был его погибший сын.
Держал он драгоценность нежно.
Не среди улиц и машин –

Как будто оказался рядом
С родной душой у Божьих Врат.
И мир пронизывал он взглядом,
Где сына нет – все дни подряд.

Как осознать: «уже не встретишь»
И «никогда здесь не найдешь»?
Так почему ты, Солнце, светишь?!
Не правда это, это ложь!

Совсем недавно были вместе...
И вот отныне – «никогда».
Не спросишь, не услышишь вести,
Хоть минет радость и беда.

И сердце вдруг осиротело...
И беспризорность в нем навек.
Душа исчезнуть захотела –
Как снег, покинуть Белый Свет.

Не знает кто, тот не узнает,
Как стать на грани двух миров,
Как смерть часть жизни забирает,
Как не хватает больше слов.

Та фотография, к несчастью,
Была одна у старика –

Родной души хранимой частью,
Живет он на земле пока.

Он фото положил у сердца
И так пошел – с улыбкой в даль.
Как будто приоткрылась дверца
Туда, где ниспадет печаль.

Земные звуки скоро смолкли.
Лежать осталась та тетрадь,
Но надписи совсем размокли –
Их никому не прочитать.

А Черепашке нашей ночью
Во сне сказал пришедший Ос:
«Ты этот текст запомни прочно:
Он – первое, что я принес.

Другое было на бумаге,
Но бывший текст преобразен
От из земли пришедшей влаги,
На час один был явлен он.

И ангел нам помог – перстами
Сложить слова того листа.
Но влага действует часами,
И вот – в тетрадке пустота.

Второй отрывок будет в книге
Отмечен слезками небес.
Потом в воздушной массы сдвиге –
Его создаст опавший лес.

А дальше неразумной тварью
Текст будет выбит на столе.
Потом со счастьем и с печалью
Его рассыплю по земле...
 Ну хватит – всё свершится после.
 Уже и утро настает.
 Незримо я останусь возле
 Своих друзей. Пора в поход».

Игрушки встали и умылись,
Себя в порядок привели,
Как с другом, с кустиком простились
И по дороге в парк пошли.

***О спасенной входящей
в этот мир новой жизни***

Теперь им виделись иначе
И деревья, и горизонт:
Был жизнью Белый Свет охвачен,
И дали вторил небосвод!

И в хоре мира звук жалейки
Тянулся к солнцу, как весна:
В тенистом парке на скамейке
Сидела женщина одна...
 Читала книгу только-только,
 Теперь же крикнуть не могла –

Мучительно ей стало больно, –
Она беременной была!

Над нею деревья качались.
Прохожих будто ветер сдул.
Машины лишь вдоль парка мчались,
И стоны заглушал их гул.
 Беда стояла в полуметре,
 Чтоб обратилась радость в скорбь.
 И холод ощущался в ветре.
 Два сердца ускорили кровь.

Еще чуть-чуть, и жизнью хлынет
Она на камни, на песок...
И, не родившись, жизнь застынет!
Держал лишь ангел волосок.

Без лишних слов и промедленья
Наш Носорог рванулся вбок,
Как раз наперерез движенью –
Остановить машин поток!

 Наверное, он мог погибнуть,
 Раздавленный грузовиком,
 Но тормоза успели взвизгнуть
 (Он это понял лишь потом).

Водитель из машины вышел
«Валун» подальше зашвырнуть,
Но стоны женщины услышал –
Она едва могла вздохнуть.

Быстрой, быстрой – уже в кабине!
Урчит мотор – в пути уже –
О дочке или же о сыне
Запели ангелы в душе!

Еще кружила хмарь-тревога,
Но вскоре вышла благодать,
Поскольку кто-то, взяв у Бога,
Страницы жизни стал листать!

И вышло солнце этой вести!
Слезами ж радостной поры
Пролился дождик, чтобы вместе
Листвой захлопали дубы!

А на скамейке, словно птица,
Раскрытой книжица была,
И дождик брызнул на страницы,
Пометив каплями слова.

Вторым посланьем оказалось
Прочтенное из-под дождя.
До ночи мало оставалось –
Друзья устали, парк пройдя.

***О страшном случае,
произошедшем с Черепашкой,
и о том, что, оказывается,
зло идет за нашими героями
по пятам и всегда готово напасть***

Они у тополя присели,
И мирным им казался мир:
Моря – без бури и без мели
И Белый Свет без черных дыр.
 Так видится глазам ребенка,
 Укрытого родной рукой.
 Но сказки пронесутся звонко,
 А что за сказочной строкой?

Пространство мира – поле битвы
С навязанной «врагом» судьбой,
В сопровождении молитвы,
С чужою волей и с собой.
 Не темный сброд, а тьма полками
 От века противостоит,
 И ранит – не стрелой – клыками,
 И что ни рана – век болит.

Незримый враг, пройдя сквозь кожу,
Разить способен изнутри,
Убить твоей же силой может –
Смотри! Пожалуйста, смотри!
 Но нас не бросят без защиты –
 Заступник наш Непобедим,

И будут о щиты разбиты,
Кто встанет против, а не с Ним!
У путешественников наших
Не может в сердце быть врагов
(Ведь слушались, конечно, старших):
У «сказочных» закон таков.
Но и на них уже армады
Теней полночных нанесло.
И ставятся кругом засады.
На жизнь в миру найдется зло!

Когда игрушки задремали –
Был беспокойным этот день –
Из царства Скорби и Печали
Неслышно к ним склонилась Тень.
То царство из ужасной сказки,
А сказка – это же не ложь,
Из этой сказки черной краски
Немало в жизни ты найдешь.
И эти сказочные тени
Еще порядком навредят:
Снесут мосты, поставят стены...
Они уже давно следят.
Кому в пути бывает гладко?
Хоть часто не видать врагов,
Незримость – это их повадка,
Но видим след от их рогов.
Вот и сейчас к игрушкам тихо
Вплотную Тень подобралась,

Схватило Черепашку Лихо
И бросила с размаха в грязь!
Потом подкинула над парком,
Кружила и рвала со зла,
И подлетевши к черным галкам,
Со стаей птичьей унесла.

Друзья проснулись – только трое
Осталось их среди ночи,
И снова было всё в покое,
Но шепот слышался: «Молчи...»
Свидетели событий страшных –
Деревья, что росли вокруг,
Среди домов многоэтажных,
Забыли уж, кто враг, кто друг.

«Молчи», – они шептали кроной,
Качая головой во тьме.

«Гуляет по дорожке ровной
Лишь ветер... да и то во сне...
Мы много видели печали
На перекрестках и в домах,
Но обездвижено молчали
И разуверились в делах.

Идет без нашего участия
За годом год, и вновь, и вновь.
И черный день сменяет счастье,
И одиночество – любовь.

И мы всегда, всегда молчали,
Как острова в потоке дней,
И только ветры нас качали.
Наверно, так всего верней.
Наверно, будет много хуже,
Когда мы вдруг заговорим:
Узлы судеб сожмутся туже.
Всё знать – не людям, нам одним!»

Медведь взревел: «Но мы не люди,
Нам сказка приоткрыла дверь,
Наш путь итак неведом, труден!
Вы нам должны помочь теперь!
Мы собираем текст посланья
Для всех живущих на земле
Великого иного знания,
Чтоб не погибло всё в золе!
Чтоб не наступило истощенье,
Чтобы удар смогли снести!
А главное, для утешенья:
Чтоб знали, для чего идти!»

Деревья тихо зашумели,
Наверно, что-то обсудив,
И на минуту онемели.
Нагнулся клен, заговорив:

«Вы убедили – мы согласны:
Покажем Тени черный путь.
Но встречи с призраком опасны.
Готовы? Каждый скажет пусть».

Все закачали головами.
«По веткам побежит волна, –
Продолжил клен, – как под ветрами,
Да устремится как струна
От древа к древу! И покажет,
Где друга надо разыскать.
Союз деревьев так Тень накажет!
Но от волны не отставать!»

И зашумели вмиг деревья,
Сражаясь ветками со мглой!
Сплелись рекой живые звенья –
Движенье понеслось стрелой!
Друзья, не медля и мгновенья,
Вперед пустились за волной,
Отбросив страхи и сомненья –
На похитителя войной!

Как руку им пожать хочу я,
Ведь каждый меньше малыша.
Они бежали, ног не чуя...
Да и, похоже, не дыша.
Как будто сзади пламя лижет –
По ямам, кочкам, что есть мочь!

Старались быть друг к другу ближе,
Чтобы упавшему помочь.

Без стонов и с одною мыслью:
«Она ведь всех слабей из нас», –
Под звездною бежали высью,
Летели – как в последний раз!

Деревьев вдруг движение встало.
А где – во тьме и не понять.
И так пустынно, страшно стало,
Что дрожи в теле не унять.

Друзья взгляделись, оглянулись
По сторонам, назад, наверх...
Чуть выше и... и ужаснулись,
Аж холод пробежал у всех.

Увидели, не узнавая:
Она висела у дупла –
Игрушка, только... неживая –
Комок пластмассы ночь дала.

А Черепашка наша где же?
Наш беспокойный добрый друг?!
Никто из нас с ней не был нежен.
Где сердца маленького стук?

Они ее спустили с ветки –
Посуше тут земля была.
Прижались к ней тепло и крепко...
И Черепашка ожила!

Сверкнул на небе алый всполох –
Земли коснулась длань Небес...
И прежде на Ладонях голых
У Бога не один воскрес!

Не описать мне слез восторга –
Кто не терял, тем не понять!
Оставим их одних немного.
Они все четверо опять!

Так неужели счастьем нужен
Беды, пусть временный, итог?
Неужто свет со мраком дружен,
Чтоб ощутить ты радость мог?!

Нет, это ложное мышление:
Для радости не нужно слез,
И день не требует затмения,
Мороз не красит цвета роз!

Когда б не зло, в сто раз быстрее
Мы по дороге Солнца шли!
И там, где Дух Всевышний реет,
Другое счастье бы нашли!

Нашли бы то, что и не знаем,
О чем не можем и мечтать!
Когда же мы теперь алкаем,
Мечтаем голод обуздать.

Мы счастливы увидеть друга,
Покуда с ним разлучены,

И дом с камином, если вьюга...
Но видеть Бога рождены!
Скорее душу утешаем,
Приняв за нужное звено,
Мы злу в который раз прощаем,
Не зная, что творит оно!

Ну вот друзья и отдышались,
Обнявшись, простоявши час.
Не знаю я, о чем шептались...
Итак, продолжим наш рассказ.

О том, как буря разбросала друзей

Настало утро дня другого.
От потрясений отойдя,
Отправились малютки снова
За тем, что тут прочесть нельзя.
Но ничего не находили —
Часы летели словно дым.
Все переулки исходили.
Был этот день совсем пустым.

И люди проходили мимо —
У всех у них своя печаль,
Забота их необозрима,
Свое начало, путь и даль.
И с каждым можно породниться,
Войдя душой в глубины глаз,

О каждом можно помолиться
И написать о нем рассказ.
Но и у нас своя дорога,
Которая от них вдали,
И рядом мы совсем немного:
Сошлись на миг... и вот... ушли.

Никто из тех, кого встречали,
Моим друзьям помочь не мог.
Дворы, дома, кусты молчали.
Поник Медведь... и Носорог.
И день другой таким же вышел,
И третий новость не принес.
Коты мурлыкали на крыше,
И на прогулке лаял пес.

«Наверно, все о нас забыли.
Наверно, мы уж не нужны...»
От слез прикрыты и от пыли
Глаза «виновных» без вины.

А пыль, однако, поднималась –
Не убережешь ни губ, ни век...
Да это буря приближалась –
Уже и горизонт померк!

Уже не видно в полуметре!
И как предупрежденье – гуд.
Живая сила будто в ветре.
Его удары хлещут, рвут!
Вдруг всё затихло на секунды,
И показался черный смерч!

Кружась, взлетели сучьев груды...
От вихря плоть не уберечь!
Он рыскал будто хищник – жадно!
Не разбираясь, вырывал
Траву, кусты... – ужасна «жатва»
И пировал смертельный шквал!
И притаиться бесполезно –
Моих друзей настиг он враз.
Дырою вверх раскрылась бездна –
От смерча их никто не спас!

Воронка дух перехватила
И, закруживши, понесла,
Как обезумевшая сила
В неизъяснимом танце зла.
Малютки встретили, обнявшись,
Стихии бешеный удар,
Быть только вместе попытавшись,
Но смерч их сразу разорвал.
И понесло их над домами
На рваном сумрачном крыле,
Как пух, всё большими кругами...
Куда – не разглядеть во мгле.
Но вскорости обмякла скверна –
Дел натворивши, столб устал
И по дворам, дорогам, скверам
Всё, что собрал он, разбросал.

Герои наши, если живы,
Теперь уж все разлучены.
Березы сломанные, ивы...
Дома и те разорены.

Но с этим справятся в неделю,
Лишь бы опять не началось.
И журналистам я поверю:
Без жертв на сей раз обошлось.

А сломанные крыши, окна
При той стихии – не беда:
Наш век из разных бедствий соткан –
Пройдет и это без следа.

Друзей же буря разбросала –
Не знаю даже, как сыскать.
А может быть, кого не стало.
Быстрее бы дальше пролистать.

***О том, как разлука может
в конечном итоге привести
к долгожданной встрече***

Давно, назад лет пять иль боле,
Четыре друга жили тут –
Когда один из них был болен,
Другие, не считая за труд,
Его насущные заботы
Тотчас же брали на себя
Без одолжений и зевоты,
Да и о долге не трубя.

Они повсюду были вместе.
Просить повторно – нет нужды.
Хвалили если, то без лести,
Когда ругались – без вражды.
 Для них любимым стало место,
 Где шар у клумбы – из кустов
 (Точнее это неизвестно) –
 Ходили много там часов.
Тот шар был как-то связан с детством,
С мечтами о лесах иных...
Возможно, для фантазий средство –
Кипучих, дерзких, молодых!
 Но что-то у парней случилась –
 У времени не счесть личин.
 Не то, чтоб дружба развалилась –
 Их разлучило сто причин.
Разъехались, сменив квартиры,
Да закрутились в суете.
Но стали одиноки, сиры.
И не сыскать друзей нигде.

По случаю, – конечно, Свыше,
Иначе б объяснить не мог, –
Тогда у них медведь был – *Миша*,
Солдатик, *Муська*, *Носорог* –
 Игрушки – как герои наши –
 У каждого своя была,
 И вот среди коряг упавших,
 Среди разбитого стекла

Они увидели малюток,
Которых буря принесла,
Поскольку не прошло и суток, –
Всегда есть сила против зла!
 На разных улицах, но вместе
 Они подняли странный дар
 И дружбе верные, как части,
 Пошли, где был у клумбы шар.

Не знаю, память или слезы...
Предчувствие ли повело
Туда, где пелась даже проза,
Где чудо снизойти могло.

На памятное место дружбы
Все сразу – четверо – пришли.
Ни дождь и ни дыханье стужи
Теперь бы повод не нашли
 Не воскресить бывшее братство –
 К земле приблизив Неба высь,
 Вернуть нетленное богатство!
 Они, как буря, обнялись!

Молчанье было песни краше,
Скупые слеза – как хрусталь!
И я б испил из этой чаши,
И было б ничего не жаль.
 Потом расспросы, разговоры,
 За век как будто бы за весь.
 Они ушли довольно скоро,
 Игрушки же оставив здесь.

Герои наши вместе снова,
Живые – радость тут проста!
Их дружба для того основа.
Они плясали вокруг куста!
И вдруг из сучьев да из веток,
Что смерч принес с различных мест,
Травы, камней, песчаных меток
На клумбе проявился текст.

Непросто было разобраться,
Даже увидеть буквы – труд.
Но главное всегда – собраться,
И в помощь ангелы придут!
Едва заметных знаков уйма –
Не пропустить и стебелек, –
Но, клумбу изучив до дюйма,
Солдат прочесть посланье смог.

Отрывок повторили хором,
Еще раз, всё объединив,
Чтоб не забыть, и чтоб с укором
Финала не звучал мотив.
И вот уставшие, но с верой,
Что нас не одолеть врагам,
И день не долог скорбно-серый,
Они пошли к другим «строкам».

***О том, как случай может
соединить двух людей и как этот
«случай» был создан***

Дорога разве не ведома
У нас? Тем более у них.
Однажды, проходя вдоль дома, –
Где шум спешащих улиц стих, –
 На окна глянули вполглаза
 И взор не отвели уже:
 Вниманье захватило сразу
 Окно на третьем этаже –
Там юноша стоял. С тоскою
Смотрел на голый тротуар.
Картина та была простою,
Но взгляд его не молод – стар.
 Смотрел... Но как-то безнадежно
 Глаза порою опускал,
 Порою улыбался нежно,
 И будто бы кого искал...
Но снова углублялся в мысли,
Смотрел вперед... и в пустоту.
И мимо пролетали листья,
Покинув древа высоту.

Что в жизни-повести прочел он –
Какие дни его нашли?
Однако взгляд уж не был солон –
Знать, беды не вчера прошли.

Теперь же, тихо удаляясь,
Где части сердца быть всегда,
Смотрел в окно он, улыбаясь.
Что ж, грусть и нам ведь не чужда.

Не слыл он кислою занудой,
И бодрым был рабочий вид,
Но под сует дневною грудой
Нет-нет да сердце заболит.
На обозренье он не ставил,
Что лишь ему принадлежит.
И мы печаль его оставим –
Вторгаться нам не надлежит.

Игрушки же почти родное
Увидели в его чертах.
Пускай лицо совсем иное –
Глаза в несбыточных мечтах.
Как у хозяина когда-то.
Он тоже у окна мечтал...
Считаете, что маловато,
А я бы это не сказал.

Дается много схожих судеб –
Как братья-близнецы подчас.
И всё же то, что дальше будет,
Покажет не наставший час.

Совсем не думая над сутью, –
Познания дар не всем стяжать, –
Мои друзья, проникшись грустью,
Решили парня поддержать.

Они хотели, как умели,
Потухший взгляд к себе привлечь.
Жаль, не могли, а то б запели,
Чтоб одиночество развлечь.

Солдатик сел верхом на Мишку
И начал под окном скакать,
А Носорог большую шишку
Стал рогом по земле катать.

И Черепашка в представленьё
Своих друзей не подвела:
Легла на горб без промедленья
И закружилась как юла.

Он их заметил ли? Не знаю –
Топталось много голубей,
И всё-то на дорожке с краю.
А плюс, что не было людей.

Ну вот его уж нет в окошке –
То наших «цирковых» вина.
Но появилась на дорожке...
Как звать, не знаю, пусть – Она!

Когда она сравнилась с «труппой»,
Подумала, что из окна
Игрушки выпали всей купой.
Поднявши их, была нежна.

На окна посмотрела быстро –
Зашторены, и лишь одно...
Пускай неприбранно, но чисто.
Наверное, как раз оно.

«Кто же хозяин, интересно? —
Подумала, – их жаль. Тогда
(Что там случилось – неизвестно)
Я отнесу их – не беда».

Взошла летящею походкой,
Но не решалась позвонить...
Была их встреча не короткой –
Нашлось, о чем поговорить.
 Как много общего бывает,
 Лишь стоит сердце приоткрыть, –
 И кто же этого не знает,
 Но всё в себе хотят сокрыть.

Я забегу недель на двести
Вперед – не будем им мешать:
Он и она остались вместе.
А мог и дальше забежать!

Игрушки где же? Их забыли
Довольно быстро. Невзначай
На стол рабочий положили
Да и ушли пить с тортом чай.
 А на столе еще включенным
 Компьютер старенький стоял,
 Котищем окруженный черным,
 Который тоже тут дремал.

И вдруг вскочил он, как от тока,
И стал по клавишам стучать –
В том не было б большого прока,
Но это ангел стал шептать.

Вот так, совсем не понимая,
Кот на экране текст явил.
Друзья же, ангелу внимая,
Прочли... и след уж их простыл.
Ушли тихонько – по-английски,
Решив, что всё идет на лад.
«Мерси» сказали сонной киске
И вышли из дому назад.

Довольные, что день незряшный,
Что в жизни возрастет любви,
Все стали вспоминать вчерашний
Свой мир и век свой... Как могли?
Откуда-то взялись рассказы
Про чувства неземной красоты –
Не улыбнулся я ни разу,
Но что-то пряталось в усы.
И ревность вспомнили, и оды,
И шепот при ночной звезде...
Игрушки... – кто подумать мог бы?!
Они успели это где?
Неторопливо шли, гуляя.
Нечасто путь покой давал.
Чуть виделась Луна седая...
Уже и вечер наставал.

***О том, как Медведь провалился
в колодец, об опасном сумасшедшем
и добром прохожем***

Когда несчастья и не ждали,
Раздался неприятный звук:
Железки вдруг заскрежетали –
Медведь упал в открытый люк!
Люк был завален кучей хлама,
А крышка сдвинута на треть, –
Картонка, миска с дыркой, рама...
На это и ступил Медведь.

Настолько всё лежало зыбко,
Что если воробей бы сел,
Нырнул и он бы в люк, как рыбка,
Коль в те секунды не взлетел.
Наш друг, ударившись о трубы,
Упал на ледяной бетон.
Свои он крепко стиснул зубы,
Иначе не сдержал бы стон.

Все на него смотрели сверху,
Но не могли ничем помочь.
Они шли, радуясь успеху,
И вот уж слезы рвутся прочь.

Взирал на небо из колодца,
Тянул к нему дрожащий нос...
Уже почти сокрылось Солнце.
Беда, похоже, что всерьез.

Неужто им втроем остаться
И знание собирать втроем?!
Судьбе отдаться? Иль пытаться
Бороться с нею, как с огнем?
Да и судьба – Небес веленье?
Иль наших немощей итог?
В бессилье наше утешенье?
И силы явленной порог?
 Не столб, что жесткостью исполнен,
 Судьба – о нас начальный план,
 Который может быть дополнен!
 «Не каждый избран. Каждый зван!»
«Я не могу оставить друга! –
Сказал Солдат, – уж лучше смерть». –
«И мы! Любовь нам всем порука!»
Заплакал под землей Медведь.

«Так делать что?! Решайте, ну же!» –
«Самим Медведя не поднять». –
«Спустить бы что-нибудь поглубже,
Чтоб лапой получилось взять».
 Пустились в обсужденье с жаром,
 И только Мишка наш молчал.
 Он даже показался старым,
 Лишь головой чуть-чуть качал.
«А как по ветке иль веревке
Медведю влезть сюда?! Учти...» –
«Он сможет – лапы его ловки,
Ведь он же сказочный... почти».

У Мишки загорелись глазки,
И дух проснулся боевой –
Еще не так бывает в сказке.
Он одолеет! Не впервой!

Но ни веревки нет, ни сучьев –
Поблизости шаром кати.

А тут еще нависли тучи.

Быстрей хоть что-то бы найти!

Пошли Солдатик с Носорогом,
Осталась Черепашка тут,
Чтоб Мишку поддержать немного –
Да без нее быстрей придут.

Ходили долго – больше часа:

Зашли в подъезды и дворы...

Хотели ткань сорвать с матраса,

Но все лохмотья так стары.

Отчаянье уж было близко,

Когда зашли в один подъезд –

Стояла там для кошки миска

И... что такое? Черный крест!

И пять натянутых веревок

Крутых пролетов поперек.

И если ты не очень ловок,

Тотчас же будет кувырок!

Скажу вам, жил тут сумасшедший –

Мечтал, чтоб всяк «навек уснул»,

И вот, решение нашедши,

Веревки тайно натянул!

Друзья, что было, всё сорвали,
Не зная, «шутка» это чья,
И прочь, ликуя, убежали.
А тут уж лило в три ручья!

Скажу вам я: машина утром
Злодея, что творил дела,
И чье сознание было мутным,
В больницу, видно, увезла.

Друзья бежали задыхаясь,
Так не бежали никогда!
О худшем думать опасаясь,
Ведь в люке прибыла вода!

Но что это?! Их Мишка встретил,
И Черепашка вместе с ним!
Бывают чудеса на свете,
А этот случай объясним:

Мужчина, проходивший мимо,
Взглянул в дыру. Залез. Достал.
Надвинул крышку. «Так терпимо», –
Сказал и в ливень убежал.

О том, как игрушки прятались под скамейкой и рассказывали о себе

Лилась вода как будто лейкой!
Обнявшись, верные друзья
Укрылись тут же – под скамейкой,
Но шторм и там разил, сквозя!

Ненастью не было и края,
Стучали струи по скамье.
Тогда, друг друга заслоня,
Прижались бедные к земле.

И вдруг всё стихло в одночасье.

Воды ли кончился запас,
А может, приняли участие
Те, Кто сражается за нас.

Игрушки наши так устали,
Что не хотели выходить,
И под скамейкой задремали.
Не будем их сейчас будить.

Проснулись – было темновато,
Слышны лишь вдалеке шаги...
Пусть их смелость «в три объёма»,
Но отправляться «не с ноги».

Зато есть час для разговора
Без хлопотни и беготни.
Всё вышло так неожиданно, скоро.
А кто же, между тем, они?

Они и сами-то не знают –
То помнят прошлое, то нет,
Обрывки памяти витают,
И часть выхватывает свет.

«Себя я помню носорогом...
Но для чего зеленый шар,
Что за спиной? Знать, даден Богом!
Лишь ясно, что я не Икар!

Возможно, есть моя планета,
Где много листьев, хвои, трав...
И шар напоминает это.
Но я, скорей всего, не прав».

«А мне порой пустыни снятся, –
Сказала Черепашка вслед. –
Довольно трудно попытаться
Понять, откуда этот след.

Всегда на полке я лежала.
Живая *Муська* там была,
Но и она пескам чужая:
В неволе родилась, жила...

Пустыни, степи... Знать об этом
Она мечтала на полу
Под солнечным горячим светом,
Под батареей ли в углу.

Она всегда стремилась в дали,
Пройти за камни стен на юг!
А мне просторы сниться стали,
Лишь стих ее сердечный стук».

«А у меня на «шкуре» север:
Льдов и небес несу лазурь.
Не пробовал ни мед, ни клевер –
Близки мне вихри снежных бурь!

Ах... и мои владенья узки.
Мечты... их не могу забыть.

Я только выточен в Иркутске,
А как хотел бы там... бродить.
Конечно, я совсем домашний –
На глобусе лишь видел nord.
Придумки, а не день вчерашний,
Всё, что я знаю... чем я горд».

«Зачем грустишь? Мы все такие, –
Заговорил в конце Солдат. –
Пусть так, но эти дни лихие
И нам немало бед сулят.

А кто с бедою повстречался,
Тот настоящий и живой!
И кто с дорогой обвенчался,
Тот обретет в конце покой.

Но это – не покой безделья:
Покой, обнявший целый мир
И созерцающий все звенья,
И слышащий звучанье лир...

А нам до этого далёко –
Один поход и жизнь одна.
Нельзя расслабиться до срока,
Нельзя поддаться зову сна!

Мой барабан, как выстрел дзота,
Друзей приводит в бодрый вид.
Да, я игрушечный всего-то,
Но тот солдат, в ком дух горит!»

***О том, как друзья пошли на риск,
чтобы подарить ребенку счастье***

Как ночь ушла, и солнце встало,
У всех закончился рассказ.

И на скамеечку устало
Присела женщина как раз.

А следом, видимо, соседка,
В знак утешенья руку взяв.
Сейчас такое видишь редко –
Проходят мимо, взгляд вертляв...

«Как твой сынишка?» – «Всё болеет.

Сточил последний карандаш...

Ах, как он рисовать умеет!

Но ты бюджет ведь знаешь наш...

Ему б коробку штук на двадцать!

Он козликот бы засакал.

И снова начал улыбаться,

И день, и ночь бы рисовал.

Но это стоит ведь немало,

А лишь бы что я не хочу.

Дежурств в тот месяц не хватало,

Но в этот больше получу.

А в общем-то всё Слава Богу!

Ведь трудности на то даны,

Чтобы упорно, понемногу

“На них выращивать цветы”».

Соседки встали, продолжая

Обычный этот разговор:

Беда своя, беда чужая...
Потом они вошли во двор.
 А наши что? Хоть было рано,
 Игрушки побрели без сил:
 Им стало жалко мальчугана,
 Который рисовать любил.
«Но что мы можем, – рыкнул Мишка, –
Карандаши ведь не растут.
Идти искать их – было б слишком.
И где – на свалке? Или тут?»
 Так, вяло шли до светофора.
 Как вдруг один грузовичок
 Подъехал к светофору скоро,
 Мыча как молодой бычок.

«Да он же в супермаркет едет! –
С чего-то Носорог решил. –
Хоть денег взять, конечно, негде,
Но нам бы точно разрешил
 Хозяин наш такую штуку...
 Не обеднеет база... склад!
Юрист не нам писал науку –
У сказок только “зло” и “лад”!»

И зацепились вмиг за кузов
Игрушки наши, как репей.
И тот «любитель малых грузов»
Повез рискованных друзей.
 (Но ты, *зацеперов* поклонник,
 Их трюк не ставь себе в зачет!

Герой твой без мозгов – негодник!
Моих же Дух Любви влечёт!)

Друзья чуть держатся, но рады.
За них сожму я кулаки!
Тряслись недолго – вот и склады:
Кругом коробки да тюки.

Но дальше что? Притихли робко –
Не обойти всё за сто дней...
И соскользнула вдруг коробка –
Рассыпалось, что было в ней.

А были в ней наборы красок,
Карандашей по двести штук!
Мелки, пастель... всё, как из сказок,
По волшебству возникло тут!

Карандашей таких не видел
Нигде в былые годы я.
Детей век прошлый не обидел,
Но двести... и мечтать нельзя!

Там менеджер присел со страху,
Все загудели, что шмели.
Но и друзья не дали маху
И «помогли» им как могли:

Схватили по коробке каждый,
Как скарабеи, – и во двор!
Я не люблю нечестных граждан,
Но всё ж другой тут коленкор.

Затем в кусты и дальше, дальше...
Уже и склады позади!
Эх, «несуны» мои без фальши.
Врагов их, Боже, осади.

Назад был путь совсем не близкий:
Идти за метром метр... пешком...
Ведь на коне и небо низко,
А без коня и кочка – холм.

Прошли вдоль линии трамвая,
Через пустырь и через мост...
Шел Носорог, чуть-чуть хромая,
Но больше всех коробку нес.

Там «храм» науки был у речки.
Как только к ВУЗу подошли,
Забилось у друзей сердечко –
Причина пряталась вдали.

Быть может, добрый их хозяин
Ходил сюда давным-давно.
Возможно, – мы всего не знаем,
И им всё ведать не дано.

На них смотрели окна зданий
И будто бы вздыхали вслед.
И будто над дорожкой ранней
Плыл детской песенки куплет

О каплях тех, что, без сомнений,
Отвагу подарить могли,
Еще о маленьком тюлене,
Которого друзья спасли...

Откуда это, неизвестно.
Приходит в голову одно:
Такое, видно, было место,
И что-то помнило оно.

Когда дошли до поворота,
Невзрачный грязный хвост прижав,
Лохматое мелькнуло что-то
Пугливо, но не убежав.

Потом опять стал виден носик,
Дрожащий под морганье век.
И показался рыжий песик,
Ускорив чуть навстречу бег.

Он был смешон и несуразен:
Болонки сын, но длинноват,
Из-под кудрей чернеет глазик, —
То ли боится, то ли рад...

Не отставая, чуть поодаль
Он за друзьями долго шел.
(Я бы ему одежду отдал,
Но дух под небесами гол.

Мне не забыть его кудряшки,
С надеждой безнадежный взгляд.
Я горе жизни пью из чашки –
От кипятка глаза болят.)
 «Как с этим делом разберемся,
 Так сразу повернем назад,
 Сюда к собаке мы вернемся.
 Иль я – не я! – сказал Солдат. –
Не знаю, случай что подкинет...
Нас не оставит Божий Дух.
Иначе этот рыжий сгинет:
Мороз ночной сметет, как пух!»

Друзья в раздумьях, но с надеждой
И с ценным грузом на плечах
Прошли моей дорожкой прежней
И у меня уж на глазах.
 Идут моих напротив окон.
 Ах, как им хочется помочь...
 Но и не крикнуть – я высоко,
 Уже и разглядеть невмочь.

И перекресток миновали,
И много улиц и домов...
Скамейка вот, где повстречали
Ту женщину... Не тратя слов,

Сложили все коробки рядом:
Карандаши, пастель, мелки...
«А чтобы поняли как надо,
Ты пожелания черкни», –
Медведь мелок вручил Солдату.
Его тот заострил клинком
И написал, поставив дату:
«Желаем счастья в этот дом!
Желаем в мире жизни длинной
Рисуй и явь! Рисуй и сны!
И будь здоров, расти мужчиной!
(Друзья из сказочной страны.)»
И стали ждать, чтоб за мгновенье
Всю стопку выдвинуть вперед.
У них всё выйдет – нет сомненья.
А вот и женщина идет!
Восторг смешался тут со страхом,
Что это розыгрыш и ложь,
Что радость обратится прахом,
А на ладони будет грош.
Такой подарок – и не снится?!
С молитвой тихой на устах,
Держа так, словно это птица,
Она домой ушла в слезах.
И путешественники рады:
Кому-то их мытарства впрок.

А где ж посланье – где награда?
Добро само – и дар, и долг!
 Бывает, мост к спасенью тонкий,
 И ты среди его опор...
 Друзья вернулись к собачонке,
 Хоть и спешат – не к месту спор.

О спасении бедной собачки

Но рыжий чуть привстал при встрече.
Надежды *сдуло* – не собрать.
Уж наступал холодный вечер,
И ветер звал в свою «кровать».
 Живая тварь *покою* рада –
 В глазах слеза: «Прощай... прости...»
 Медведь сказал: «Кого-то надо
 Сюда скорее привести!»
И к тротуару побежали...
Как раз мужчина шел с сынком.
Удача, что недолго ждали!
Но как позвать? И что потом?
 Метнулся Носорог под ноги
 И шар свой скинул со спины –
 Шар покатился по дороге.
 (Так вот зачем Дары нужны!)
За ним пошел мужчина с сыном,
А он к собачке завернул...

Его был путь не очень длинным –
Потом подпрыгнул и нырнул.
У ног лежал наш пес замерзший.
От страха только чуть рычал.
Погладил сын: «Ты мой хороший...»
Стоял мужчина и молчал.

И слезы капали на лапку,
И боль была в земле самой.
Отец на руки взял собаку
И прошептал: «Пойдем домой».

И сразу же теплее стало:
Молитва к Богу поднялась.
Судьба страницы пролистая,
И смерть, что подошла, сдалась.
Они ушли в объятьях счастья,
Их окружила Благодать!
Закон спасения – участие.
С любовью злу не совладать!

Друзья присели тут же молча –
Тяжелый груз с души упал.
Уж выплывали звезды ночи,
Как свежий ветерок напал.
Взметнул он вверх клочки бумаги,
Поднял опавшую листву...
И проступили слоги, знаки,
Соединяясь на лету!

Посланье плыло над округой,
Сменялась за строкой строка.
(Непросто овладеть наукой
Читать, что шлет Святых рука.)
Друзья запомнили дословно
Полет листвы... И на заре
В мерцанье звезд, младенцы словно,
Заснули тут же – на земле.

***Об атаке зла
железными зубами, огнем
и водой, которая завершила
первое путешествие друзей***

Они проснулись от рычания:
Огромный трактор землю рыл –
Машины страшное звучанье,
Как тысячи кабаньих рыл!
Зловещей сыростью пахнуло –
Друзей засыпали комки.
Не слышно ничего от гула.
Подняли их ковша клыки.
И бросила слепая сила,
И понесла невесть куда!
Земля собой весь свет закрыла,
Сковала весом без труда.

Земля – основа этой плоти,
Земля –местилище могил,
И никого здесь не найдете.
Найдется только слово «был».

Могли ли что сказать? Едва ли –
Песком осыпался бы стон.
Для погребенных в самосвале
Остановился ход времен.

Куда их? В яму? Иль иное
Сегодня ожидать могло?
Возможно, действие колдовское
Свое внушение дало.

Неслась машина через город!
Ее услышал за версту –
Под сердцем отдавался грохот.
Она направилась к мосту!
Когда осталось уж немного,
И позади была гора,
Когда уже виднелась Волга,
В проводке прыгнула искра!

Большая скорость у атаки
Огня, идущего «на вы» –
Машина вспыхнула как факел,
И пламя разрывало швы!

Огонь пронизывал и кузов,
Вгрызался в камни и металл...
Меж ним и светом ложны узы:
У смерти он начало взял.

Он – постоянное движенье!

И языками лижет ткань...

А путь его уничтоженье.

Уже огня нависла *длань*

Над нашей сказкой, нашей лирой,

Всегда готовая терзать!

Ты помоги нам, Яснокрылый,

Мечты из пламени изъять!

Друзей моих, прошу, от лиха,

От слез невидимых спаси,

От неслышанного крика,

От прекращения пути!

И самосвал на мост ворвался,

На скорости отбойник сбив!

Водитель править не пытался –

Он спрыгнул и остался жив.

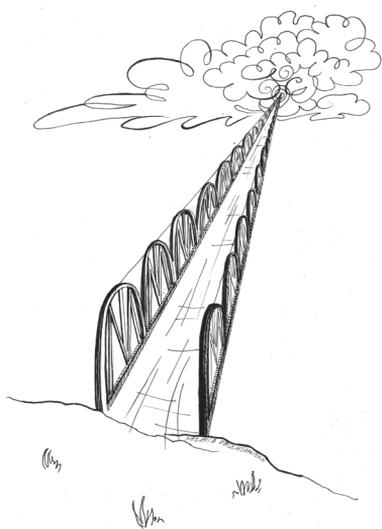
Тотчас же сбита и ограда –

Теперь обочина пуста.

И небольшой частицей ада

Машина рухнула с моста!

И вот сомкнулись волны Волги —
Она на дне, а гладь над ней.
Где ж наши рыцари дороги?
Вы отзовитесь поскорей!



**Глава третья, в которой говорится
о чувствах и переживаниях,
охватывающих душу при переходе
между мирами.**

Событий роковых стеченье
От погребения до дна.
Но всех друзей несло течение,
И за волною шла волна.

(Конечно, для героев наших
Те волны хлада и огня
Не все понятны: эта чаша
Для нас, а больше – для меня.

О страхах из иного царства,
Что душу треплют, как свечу,
Когда воздушные мытарства,
Я в нашей сказке умолчу.)

Волной возникло **отчуждение**.
Все голоса удалены.
Вне жизни плавное скольжение
В глубинах тьмы и тишины.

Но это не дитя покоя,
А сгусток тяжелой пустоты.
Кто раньше чувствовал такое,
В любой траве найдет цветы.

Необъяснимая тревога
Таится в той волне немой.
Но чужда для нее дорога:
Она вокруг встает стеной.
Нельзя внимать, нельзя ей верить,
А нужно просто переждать,
И распахнутся скоро двери –
И свет придет освобождать!

За отчуждением – **бессилье**:
У воли кончился заряд.
И как бы жарко ни просили,
Возможностью не одарят.
Ты – только голова без тела,
Бездействия тупая боль.
И что душа б ни захотела,
Ответом будет только ноль.
Одни глаза, лицо без слова.
И чудо прошлое – «сказать».
Душа твоя как будто гола.
Уж лучше ничего не знать.
Ты ныне только созерцанье –
Ни поддержать, ни изменить.
Бессилье – тоже испытанье,
И это надо пережить.

А дальше следует **безверье**:
Высоты пали у небес,

У птицы каменные перья,
И на востоке свет исчез.
 В душе не музыка, а топот.
 И вытравляются стихи.
 Берет свое порочный опыт –
 Потухшие глаза сухи.
Закрылось сердце и остыло
Пустого дома посреди.
Забыто даже то, что было,
Поскольку темень впереди.
 Напрасен день, и жизнь напрасна –
 Казнит безверье без суда.
 И сверху смотрит безучастно
 На землю мертвая звезда.

Отчаянье уже созрело –
Шумит ударная волна.
И слово в песне онемело,
И лопнула твоя струна.
 Мятущийся в пригоршне разум.
 Желанье более не быть.
 Пускай всё завершится разом –
 В небытие совсем уплыть.
Обман в заре, обман в рожденье...
И невозможность день вернуть.
Опор, фундамента крушенье.
Копьем итог, вошедший в грудь.

«Переломать бы плоть без стона...
Зачем рука?! Зачем хребет?!»
Волна отчаянья бездонна.
Молитесь! – лишь один совет.

Стремленья пик небесный сколот.
Растоптан ангела росток.
И всё охватывает холод.
И цепенеет кровоток.

Богооставленность на коже,
На каждой клеточке тебя.
Звезда огонь уже не вложит.
И не поднимет рог, трубя.

Один лишь холод неизбывный,
Где одиночество царит.
Убьет и взмах крыла невинный,
И заморозит снега вид.

Не верь – ты сам источник стужи.
И ангел плачет у дверей.
Тебя там ждут, и ты там нужен.
А холода волне не верь!

Когда же дух, готовый падать,
Цепляется за стебелек,
Спасением приходит **память**:
То, чем ты жил и что сберег.

Далеких лет обычный образ –
Ты вспомнишь всё, ты не забыл –

Родного человека голос,
В тебя он верил и любил...
Тот теплый день... и вечер... помнишь!
А как вы шли... улыбку глаз,
И день последний не прогонишь –
Ты этим днем живешь сейчас!
А как боролись вы с метелью,
Когда к груди он прижимал.
А рядом как с его постелью
Стакан воды тогда стоял...
Хранятся в сердце те мгновенья
И не дают тебе пропасть.
Приходит память как спасенье –
Небытия слабеет власть.

Как стыдно видеть Образ Высший.
Раскаянье – ответ на Зов
Святых к душе почти погибшей.
Ты открываешь им засов.
Сам для себя желаешь кары!
Лежишь, как воск, у Ног Творца.
Но не бураны и пожары –
Тепло исходит от Лица.
А **стыд** от этого сильнее –
Хоть сердце вырвать и отдать!
Уже и руки онемели...
И начинаешь ты рыдать.

Всю грязь с тебя смывают слезы...
Сыновий образ возвращен!
Ты под собою видишь звезды
И понимаешь, что... прощен.

Когда исчезло, что давалось,
И от утраты дух болит,
То в дар Отцу одно осталось –
Твое раскаянье и стыд.

Раскаянье, очистив образ,
Вслед за собой **любовь** несет,
Как будто пробуждая голос
В тебе с Божественных Высот!
Дороже этого не будет.
Для этого лишь надо жить.
«Любовь всё терпит и не судит...»
Она – связующая нить

С тобою всех, тебя со всеми,
Она и радость, и печаль,
Она – закопанное семя,
Она – и свет, летящий вдаль.
Увидишь в близком человеке
Касанье ангела зари.
Но даже в этом смертном веке
«Далеких» нет – ты посмотри!

Ты посмотри на незнакомых,
Отца и мать в них разгляди –

И воздух в горле встанет комом.
В самом себе **Любовь** найди!

Потом обнимет воздух нежно.
Недавняя растает хмарь.
Так возрождается **надежда**

На день, на жизнь, на мир, на даль!
 Быть может, шёл ты не напрасно,
 И был вчерашний день не зря.
 А завтра в небе будет ясно,
 И встретит новая заря.

За жизнь, что плохо получилась,
Поставят где-нибудь «зачет»,
И, что совсем не так случилось,
Теперь – ничто, теперь ни в счет.
 И будет мир в душе, и в мире,
 И правда Света победит.
 Война свои спалила мили
 И больше не заговорит.

А дальше – даль, ей нет предела,
Не прекратится Древа рост...
Надежда свечкою горела,
И вот она уж ярче звезд!

Основа для надежды – **Вера**:
Доверие во всем к Нему,
И что настанет Божья Эра
Во всей Вселенной наяву.

Пускай сегодня тучи града,
И шквал огня, и дождь свинца,
Не встанет для нее преграда!
Не будет для нее конца!

А главное, что и под градом,
И в море человеческих бед
Всегда **Отец** с тобою рядом,
И через тучи льется **Свет**.

Нет силы, что сильнее Веры,
Ее частица – как скала,
К ней не подходят наши меры,
Она бы сдвинуть мир могла.

Она в сердечной сердцевине
Готова крылья распрямить.
Вчера – тиха, как солнце – ныне.
У Веры в **Бога** жизни нить!

И в кровь струится Славы **Сила**:
Ты вместе с Богом – можешь всё!
Она дорогу озарила!
Пространство, время – всё твоё!

Готов сразиться с тьмою ночи
И мира ось к земле пригнуть.
Но только одного не хочешь –
Глаза от Бога отвернуть.

И с этой силой Свет в союзе –
Она сама рождает свет.

Твоя душа – меж ними узел:
Завет Господень — твой обет.
И ко всему теперь причастен.
Для силы зла непобедим.
И бесконечен, и всевластен,
Поскольку с Богом ты един!

Пройдя сквозь смерти испытанье,
Приходит с силою **Покой**,
Приходит **Мир** в твоё сознание –
Ты вечен и теперь **Живой!**

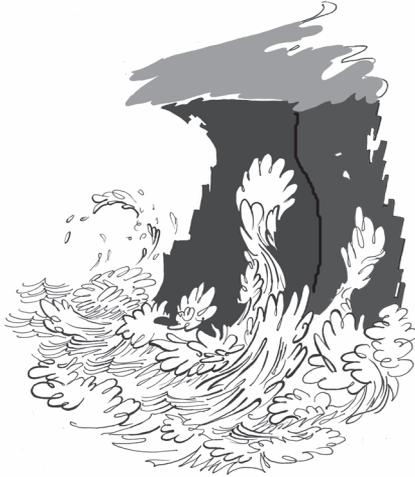
Прошли мы с вами то, что должно:
На свет сквозь мрак, на Зов сквозь стон.
Преодолели, что возможно,
А где нельзя, помог нам Он.

Прошли мы всё с друзьями вместе,
Которых унесла Река.
И вот они не в этом месте,
А там, куда спешат века.

Они безгрешны, словно дети,
Но испытали путь людской,
Ведь это мы за всё в ответе,
А с ними связаны строкой.

С малютками, как пуповиной,
Соединен стихами я.
Отсюда переход их длинный
В те недоступные края.

Теперь герои, что, быть может,
Вчера лишь видели мой дом,
В пространстве тех, чей век уж прожит,
В ином пределе – неземном.





У четырех его игрушек /
Забилось сердце в тот же час.



Там на углу был столб фонарный —/
К нему игрушки подошли...



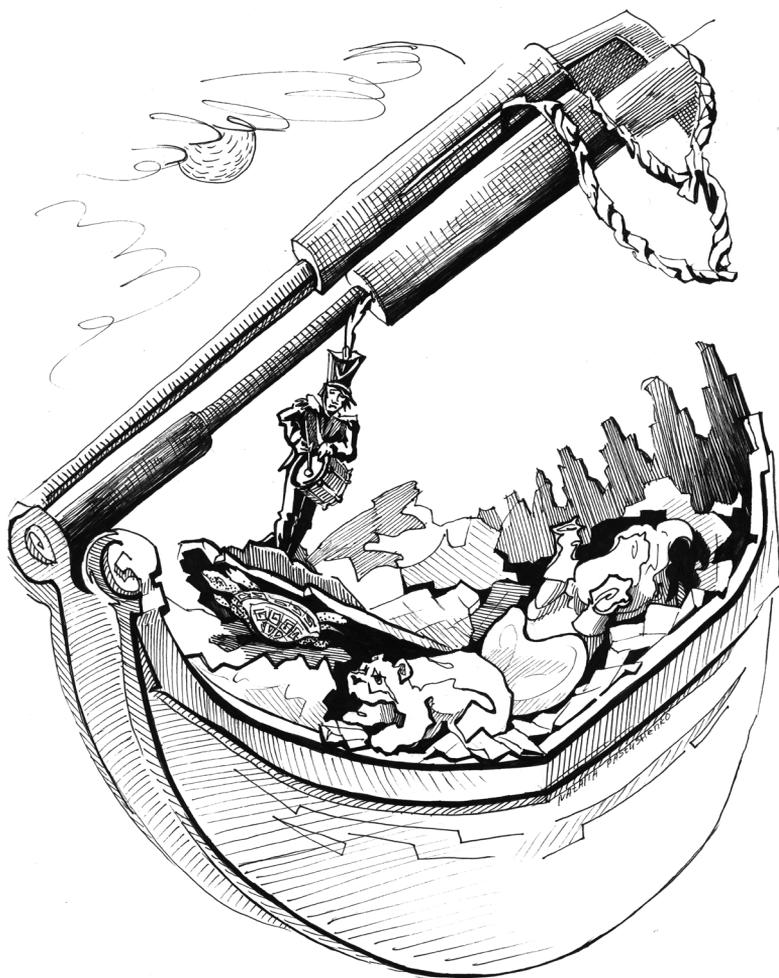
Наш Носорог рванулся вбок, /
Как раз наперерез движенью...



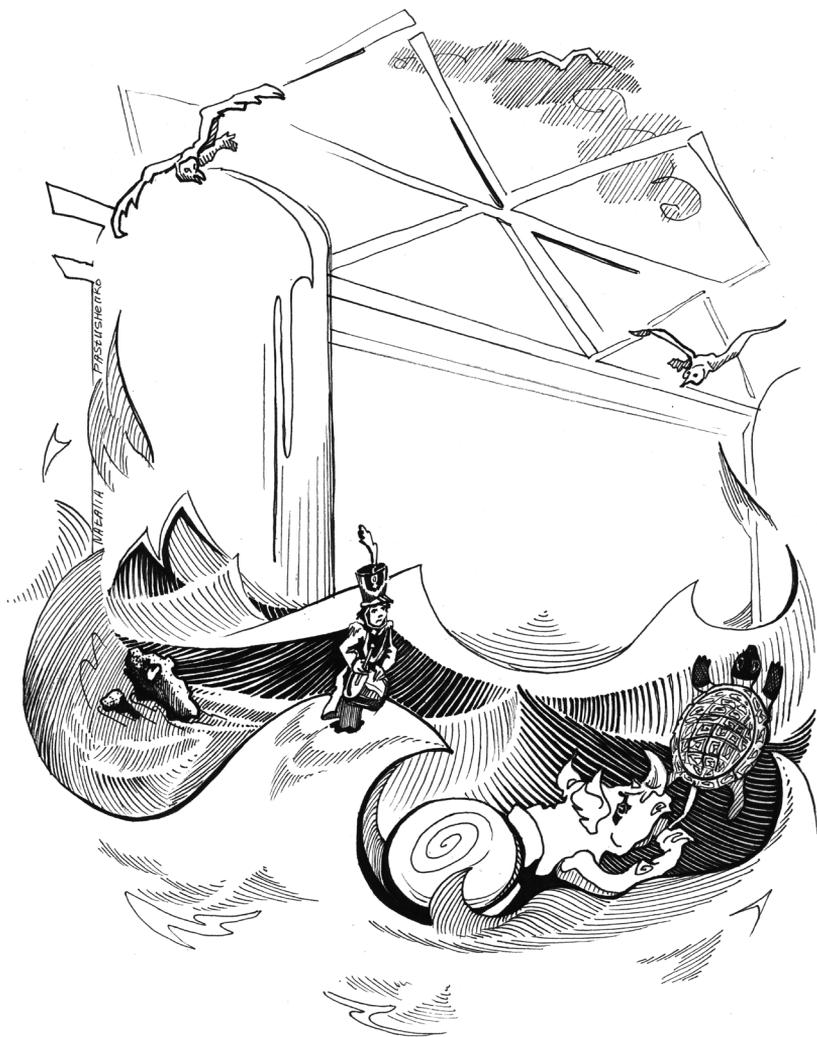
Он был смешон и несуразен: /
Болонки сын, но длинноват...



А вот и женщина идет! /
Восторг смешался тут со страхом...



Не слышно ничего от гула. /
Подняли их ковша кльки.



Но всех друзей несло теченье, /
И за волною шла волна.



Там наверху гуляет ветер! /
И человек! Ужасный вид!»



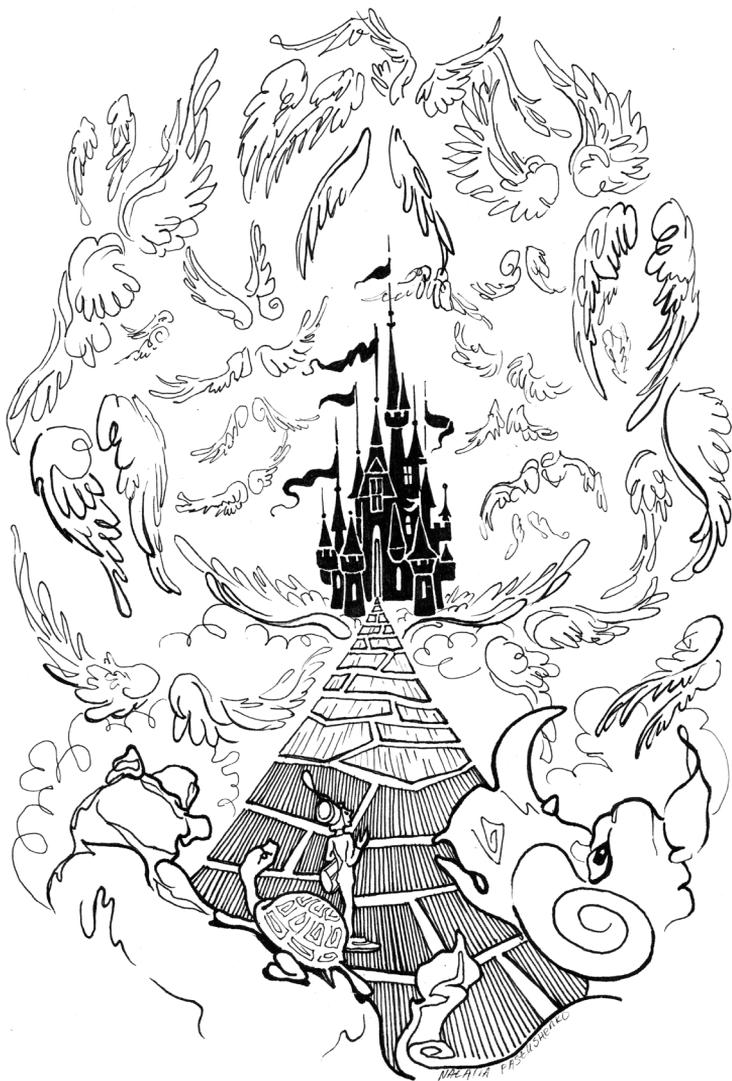
Держа друг друга в оправдание, /
Сползают, как живая сель.



И в океане островами /
Повсюду образы стоят...



Какие люди здесь чудные: /
Свет за окном – они все спят!



На Небе был его исток! /.../
Отсюда начинались веки /
Еще не пройденных дорог...

**Глава четвертая, в которой
говорится о путешествиях
друзей в ином мире, где огрехи
человеческой жизни и души
становятся зримыми, формируя
окружающее.**

Был первый мир, к земле ближайший,
Наполнен грустью и тоской.
Мы редко прозреваем дальше
За той мифической «рекой».

Здесь будто бы всё время осень,
И листья падают с дерев.

Сюда печаль свою уносим
Мы, в одночасье онемев.

Здесь облака закрыли своды
Невидных ранее небес.

Сюда уносим мы заботы,
Но день, спешащий, тут исчез.

Однако тут берет начало
И радость будущих веков:
«Ты жив! Хоть там тебя не стало».
И «...больше нет земных оков!»

***О человеке, попавшем в яму своих
тяжелых воспоминаний
и угрызений совести***

Когда друзья передохнули,
Прошли лужайку вдоль ручья.
Не очень сильно ветры дули,
Но так, что гасла бы свеча.

В округе было одиноко,
Докуда видно – ни души...
Журчанье лишь воды потока,
Как будто бы: «Скажи, скажи...»

И отзывалось: «Слишком рано...» –
Должно быть, ветви на ветру.
Но не казалось это, странно, –
Здесь так бывает поутру.

А дальше ветер пел ли, плакал?..
Иль разговаривал с листвой?..
И что-то становилось жалко –
Хотелось выкрикнуть: «Постой!..»

Но звуки ветром удалялись.
Последнее: «Прости, прости...»
И ветки только наклонялись,
Поскольку не могли уйти.

У Мишки рана заломила, –
Забыли мы о ней давно, –
Наверное, нога застыла,
Вот и болит – не мудрено.

Присели под ветвистой кроной,
А то Медведь совсем уж сник
(Хоть вид поддерживал суровый),
Как услышали чей-то крик.

Медведь уж и забыл про ногу.
Собрали волю все в кулак,
Вскочив и пробежав немного,
Они наткнулись на овраг.

Его края почти отвесны,
А скользки, будто под дождем,
И было хоть довольно тесно,
Метался с криком кто-то в нем.

Мужчина землю рыл ногтями,
Но вновь и вновь срывался вниз,
Сгребал комки с травой локтями,
И от досады корни грыз.

На дне порою падал в лужи.
Но от стараний и труда
Он только опускался глубже.
Ему не выбраться сюда!

Когда увидел он малюток,
Сел на коленки и затих.
«Я тут довольно много суток...» –
Сказал он, озирая их.

«Уже и воля стала таять.
Я не могу идти вперед.

Овраг моя проела память –
Похоже, что ее он плод.

Вина и боль не отпускают:
Ошибок в жизни натворил.
Всё глубже ноги утопают.
Ступайте мимо – нету сил!»

«Ты поподробней расскажи нам, –
Сказал Солдат. – Мы подождем.
И отдых дай несчастным жилам!
Не горячись – потом уйдем».

«Всё рассказать себе не смею.

Одно и то же колесом
Идет, идет... а я слабею.

Ну почему судьба – не сон?!»

Когда сказал, ему на руку

Упала бурая слеза.

«Прощенья нет! Уж лучше муку!

Как мне смотреть на образа?!

Теперь сидеть мне здесь – в овраге.

За всё зубами грызть себя...»

(От вечной ночи был он в шаге,

Себя и Небо не любя.)

И рассказал, что мучит ныне:

Пришлось уехать от жены,

Еще он рассказал о сыне –

Ни в чем он не снимал вины.

Нет, нет, он не ходил «налево» –
Ушел, – «причин на целый взвод», –
Потом супруга заболела
И умерла под Новый год.

А сына плавать заставлял он:
«Здоровым будь!» – свое всё гнул,
Шлепков тогда раздал немало,
И сын на речке утонул.

И матери, когда был приступ,
Не вызвал вовремя врача:
В квартире стачивал он выступ,
«А то скользила дверь, стуча»...

Впервые вслух он всё поведал,
Всё произнес, что сердце жгло,
Впервые в память шли с ним следом,
Впервые слушали его.

И в горе что-то надломилось:
Покой послали Небеса.
Душа Там тихо помолилась,
И чистой капнула слеза.

Вверху раздался голос дивный,
Прозрачный колокольный звон,
И прозвучало над долиной:
«Тебя здесь любят – ты прощен!»

Когда лилась повсюду песня
Неописуемой красы,
Спустили вдруг из поднебесья
Три виноградные лозы,

Как знак надежды, знак участия
И как прощенья зримый знак,
Чтобы теперь поверил в счастье,
Ростки сошли к нему в овраг.
 Вошли во дно живые корни,
 И листья начали расти.
 И будто в сказке – очень скоро –
 Они смогли его спасти.

Не замечая раны, шрамы,
Сжимая ветки, полз наверх.
Несчастный выбрался из ямы
И в вышине увидел всех!
 Его родные ликовали,
 Что истекли разлуки дни,
 Дождинками песок смывали,
 А после молвили они:
«С тобой сейчас герои сказки –
Им надлежит пройти миры
До Высшего, где Света краски
Рисуют звездные шатры.
 Где должно, им дадут посланье,
 Ну а потом вернут назад.
 Ты помоги им в испытанье –
 Иди за ними наугад».

Глаза мужчины были влажны.
«Я счастлив мира посреди!
Мне дали руку – вы отважны!
Пойдемте! Что там впереди?!»

***О человеке, плененном стеной
собственных научных идей***

А дальше были камни всюду –
Тропинку хоть бы разыскать.
Пройти тут трудно и верблюду,
Лишь стоя можно не устать.

И с очень гладкими боками,
И будто бы дракона клык,
Тех воды гладили веками,
Иных размножил взрыва миг.

Тут были желтые, как глина,
И были бурые, как кровь...
Дорога даже пусть не длинна,
Ты всё же к шишкам лоб готовь!

Вблизи приходят мысли сразу,
Что ими выложен узор,
Но если всё окинуть разом,
Понятно станет: это вздор.

Камнями выстлана поляна,
И ничему здесь не расти.
Земля раздавлена и рвана.
Скорей бы дальше нам пройти.

«Смотрите! – Носорог заметил, –
Стена огромная стоит.
Там наверху гуляет ветер!
И человек! Ужасный вид!»

Как только он туда забрался?
Под ним, наверно, метров сто!
Он больше слезть и не пытался.
Друзья окликнули: «Ты кто?»
«Ученый я, еще философ –
И надо поискать смелей!
Решил я множество вопросов,
Создал я множество идей!
И я построил эту стену:
Идея – камень для нее.
Я не творил в науке пену
И не дублировал старье!
Я клал всё выше пункт за пунктом,
На антитезу – тезу, чтоб
Осталось детям, даже внукам!
И чтобы зря не лечь мне в гроб.
За положеньем положенье
Сбивались крепко в монолит,
И устремлялось вверх движенье!
В раствор ее мой разум влит.
Я сам себя поднял на “крышу”!
Моя стена – и есть мой приз!..
Но я отсюда плохо вижу
И не могу спуститься вниз.
А если честно, я несчастен –
Себе уж надоело врать –
Я ничему не сопричастен,
И стену мне не разобрать.

Мне не пройти отсюда дальше.
Выходит, Истины не знать.
Всегда я был противник фальши,
Но и отвергнул Благодать».

Друзья ответили: «Поможем!
Ведь ты сказал: “Идти хочу!”
А мы твои желанья множим,
И значит, всё нам по плечу!»

Но всё же это было сложно:
На сантиметр, дюйм ли, пядь
Из основанья осторожно
За камнем камень убирать.

Как удавалось взять пониже
И удалить тот камень вон,
Всё становилось много ближе,
Ведь был у основанья он.

Малюткам помогал попутчик,
А без него не одолеть
Ту стену, что дошла до тучи.
И вот ее уж нет на треть!

Потом был в силах сам философ
Снимать каменья наверху.
Теперь ему давалось просто —
Как за строкой убрать строку.

Он наконец-то смог спуститься,
Но стенка рухнула не вся:
Чего-то ведь он смог добиться,
К чему вела идей стезя.

Вздохнув свободно полной грудью,
Ведь горизонт был на виду,
Сказал он с чуть заметной грустью:
«Я тоже с вами вдаль пойду».

***О людях, схваченных деревьями
тягостных сомнений и неверия***

И шли они довольно долго,
Как встал пред ними странный лес.
Всё объяснять – не будет толка,
А кратко: *неустойчив вес*.

Стволы деревьев к земле сужались:
Внизу – как жердь, вверху – как столб,
И кроны мощные качались,
Как акробат, не рухнуть чтоб.

И не напрасны опасенья:
Вокруг их много полегло –
Они лежали, словно тени,
Сломавши ветки, как крыло.

Кого-то, может, придавили,
И он под ними погребен.
Тут ветры над ветвями выли
И брали мужество в полон.

«Послушайте... Да это стоны, –
Сказала Черепашка вдруг. –
Смотрите, сквозь заслоны кроны
Проглядывают кисти рук!»

Действительно, кого-то ветки
Обвили, будто бы удав.
Движенья «жертвы» были редки –
Обмякло тело всё, устав.

Когда зажатый древом понял,
Что мы заметили его,
Он голову немного поднял
И прошептал: «Всё от того...»

«Всё от того, что сомневаюсь,
Не верю в радостный итог.
И вот... ветвями обвиваюсь.
Мои сомненья – их росток.
Ведь тут растут леса сомнений.
Ветвистых крон не побороть.
Бесплодно время наших бдений.
Душа съедаема, как плоть.

Сомненья наши нас пытали –
Корявый плод внушений злых –
Здесь многие под ними пали.
Бегите, чтобы быть в живых!»

Солдат сказал: «Уйти успеем.
Ты не спеша послушай нас.
Хоть красноречья не имеем,
Ты всё же выслушай рассказ».
Я пересказывать не стану –
Вы это всё прочли уже.

То было как бальзам на рану –
Полегче стало на душе.
Еще держали ветви прочно,
Но получили здесь отпор.
Они ослабли – это точно.
Героев с ними краток спор!
Ведь говорили о победе
Малютки, меньше башмака.
И всё в другом предстало свете,
И крепла пленника рука.
Он сам, поверив во спасенье,
Кривые ветки разжимал.
И падали сучки сомненья.
И на свои он ноги встал!

«Но подождите, недалёко
Я слышал стоны и мольбы:
Сомнений тягостных порока
Томятся бедные рабы».
Друзья прошли по этой чаще –
Не зря спасенный говорил, –
Нашли двух женщин, чуть дышащих,
И юношу – он весь застыл.
Теперь справляться было проще
И разжимать ветвей щипцы:
Дерев похожих много в роще –
Как будто братья-близнецы.
Одна победа – это выстрел
По ста ветвящимся червям.

И падали сомненья быстро
К засохшим на камнях корням!
Потом спасенные с друзьями
Покинули коварный лес,
Где души сдавлены ветвями.
Где неуверенности пресс.

***О людях, увлекаемых потоками
страстей***

Прошли немало, только сколько?
Иначе время здесь течет:
Там – день, у нас – минута только,
А может, и наоборот.
 Встречали путников порою,
 Которые спокойно шли
 (Я б не был среди них – не скрою –
 Не все так жизнь прожить смогли).
Встречали тех, кто на подмогу
Из высших сфер спешил назад,
Чтоб наконец-то понемногу
Дорога грешных шла на лад.
 Не только ведь друзья старались
 Спасти «застрявших» меж миров –
 Для бедолаг, что здесь остались,
 Пребудет Помощь и Покров.

А между тем ветра крепчали,
Кружились словно на балу
(Не то, что было там – вначале)
И поднимали пыль в пылу.

И ручейки кружили тоже –
Потоки вили кружева.
Порою их пустело ложе,
Как будто бы вода жива.

Гуляли речки по долине,
Стараясь путников залить.
Не прочертить для русла линий,
Не протянуть границы нить.
Смотрели волны прямо в очи
И, повстречавши слабину,
Росли и становились громче,
И вот уж не унять волну!

Те воды составляют чувства:
В волнах волненья, страсти, страх!
Они спешат дойти до буйства,
Их не удержишь в берегах!
Хватают, кто неосторожно
Приблизился вплотную к ним,
И вот биенье сердца ложно –
Взлетели брызги словно дым!

И рвут несчастных, как гиены,
И тянут, ухватив за бок!
Потом проходят в жилы, вены,
Чтоб кровь добавилась в поток.
За этим – страшная личина,
Тут одному не совладать,
И многих увлекла пучина –
Теперь и руку не подать.

«Вон человек за поворотом!
Накрыли волны... сдался... сник...»
И Носорог немедля рогом
Поддел его за воротник!
 Но чуть и сам не канул в бездну:
 Удары вихря сбили с ног –
 Друзья и путники железно
 Его схватили, кто как мог!
К спасенному пришло сознание –
Шептал, чуть открывая рот:
«Я уж подумал, на закланье
Меня пучина приведет.
 Мои товарищи погибли,
 Я был от тьмы на волосок.
 Когда решалось “или-или”,
 Подумал: “дух мой не высок...”
Потом – быстрее. И в мученье
Решил я, где моя стезя.
Так понесло меня течение,
А выбраться уже нельзя.
 Теперь я вновь смогу заметить
 Раскаты света на заре,
 И солнце вновь смогу я встретить...
 Пойти по утренней поре!
А кто вы, за кого молиться
Я буду у Верховных Врат?!
Чьей волей стало сердце биться,
Кому могу сказать я: “Брат”?!»

Когда друзья, не без смущенья,
Вели рассказ о днях своих,
Несло кружащее течение
Другую душу мимо них!
Солдат ее схватил покрепче,
Но волны выбили из рук,
И дотянуться было нечем –
Помог тут крюк бы или сук.

«Так неужели гибель скоро
И не спасти ее от мук?!
Смотрите! Подплывает снова:
Потоки совершили круг!»

Друзья и спутники прижали
Друг друга в крепкое кольцо
И посреди потока встали,
Не пряча от беды лицо!

И захватили будто сетью
Того, чью душу жаждал рок!
Поток хлестал по спинам плетью,
Но сделать ничего не мог.

Когда спасенный отдышался,
Пришел в себя, точней – к себе,
Друзья и все, кто повстречался,
Пошли по высохшей тропе.

О том, как наши путешественники чуть не погибли в толпе

Как странно, путь всё шире, глаже –
Уже почти как магистраль!

Идти легко, приятно даже.
Не все пути такие – жаль.
 Уже несет сама поверхность –
 Летят все будто бы с горы...
 Нет, всё же лучше постепенность:
 Так – безобидно до поры.

Да это же движенье в пропасть –
Его уж не остановить!
Похожая на чрево полость –
В нее должны мы души влить.

На дне ее черна порода
И эхом отражает звук.
Повсюду множество народа.
Встают и бьются волны рук.
 Бранятся толпы и стенают!
 Но окружает их стена.
 И каждый миг тут умирают,
 Сливаясь с черным камнем дна.

Нет, нашим не спастись героям.
А тут еще, увидев их,
Метнулась с воем *масса* роем,
Чтоб в тот же миг пожрать «чужих».
 Такой беды я и не мыслил,
 «Что будет?» – больше не вопрос!
 Но ангел – будто с неба выстрел –
 Собрал крылом всех и унес.

«Они сюда пришли толпою, –
Сказал он голосом простым. –
Кто с бунтами, а кто с войною –
И Свет им уж давно постыл.
 Всем вместе впасть в безумье просто,
 Не страшно ужасы вершить,
 Не сложно душ разрушить остов –
 Лишь нитью всех одной прошить!

Держа друг друга в оправданье,
Сползают, как живая сель.
Но не ослабнет их рыданье,
И не смягчится их «постель».

 Грехи не делятся на души –
 Они у каждой нележки.
 И ваш отряд их не затушит –
 Тут бьются ангелов полки!»

Когда он всех отнес подальше
От этой пропасти-тюрьмы,
Взметнулся ввысь! Мы вновь на марше...
Задумавшись, что значит «Мы».

О людях, захваченных песками сует

Дорога сделалась песчаной,
И при ходьбе песок хрустел.
А в памяти моей печальной
Негромко мальчуган запел...
 Я вспомнил, как в далеком детстве
 Ходили мы с отцом на пляж.

И был тогда я в странном действе,
Что приоткрыл мне мира Страж:

Вдруг небо становилось выше,
И отдалялась гладь реки,
Я в этот мир из дома вышел...

Как горизонты далеки!

И в небе мерно разливался,
Как в океане, низкий гул –
Не знал я, как он назывался,
Но будто часть его вдохнул.

И был песок кругом и всюду,
Как времени весомый знак.
Я эту пору не забуду...
Но здесь мы отвлеклись. Итак.

Герои шли вперед отважно,
Да вот песок совсем просох,
И было им идти неважно:
Всё больше утопал носок.

Здесь из песка вставали горы
И величавые хребты.
Но становились очень скоро
Пространства здешние пусты:

Сдувались ветром великаны,
Как будто не были вовек.
Следы их зыбкие песчаны,
И не заметен тихий бег.

Идти же было всё сложнее –
Стопа тонула на вершок.

Казалось, что уже на шее
Того песка висел мешок.

Песчаное пустое море,
И замерла на глади рябь.
Похоже, всё застынет вскоре,
И всё всосёт земная хлябь.
Еще, почти что как в пустыне,
Вставали часто «миражи» –
Не вышло в явь ничто доньине:
Ни мёд, ни хлебные коржи.

Всё порождал песок сыпучий,
И уходило всё в песок.
Бывало, подходила туча,
Когда песчаной бури срок.
Пласты песка сдувало бурей.
Но сыпался песок опять,
Такой же тяжкий, пыльный, бурый –
Не изменить и не унять.

«Кого-то вижу – посмотрите! –
Сказал Медведь, – стоит в песках.
Да это женщина! И нити
И на ногах, и на руках,
Как будто бы незримо держат,
Не позволяя сделать шаг.
Еще немного, и одержит
Победу неизвестный враг!
Как к ней пройти? Найти бы тропку...»
Пошли тихонько напрямик.

Но становилось очень топко –
Поверхность углублялась вмиг.
 «Да тут страна песков сыпучих!
 Что наподобие болот.
 Трясина их сожрет, могучих
 И смелых! Это же *проглот!*» –

Один из спутников поведал
Об этих гибельных местах.
И в подтвержденье «пообедал»
Песок ботинком – на глазах!
 «Пройти туда совсем не просто.
 Как эта женщина стоит?» –
 «Наверно, там возникнул остров...» –
 «А вот она нам говорит!»

«Здесь суетой песок творится:
Пустые дни ему в зачет.
Бывает, жизнь и долго длится,
Но между пальцев всё течет.
 Свои потратила я годы
 И на детей, и на семью.
 Но почему-то Неба своды
 Отвергли жертвенность мою.
Хотела, было чтоб не хуже,
Чем у знакомых и родни.
Порой не замечала мужа...
Но ведь мы были не одни.
 Престижную нашла работу,
 Пусть своевольно, для детей.

Но кто проявит к ним заботу?!
А для возвышенных идей
Уж не было ни сил, ни воли:
“Да не двужильная же я!
А как в моей иначе доле?!” –
Так завершилась жизнь моя.
Так говорила я когда-то.
Теперь иное поняла.
Но не вернуть обратно даты.
Меня пустыня обняла.

Сыпучий враг окружает –
Всё меньше твердый островок.
И сколько мне... – никто не знает.
Пустыней стал и этот срок».

Все стали думать, что же делать,
Что ставить против суеты.
Песок тут всё готов отведать
И всех, кто с суетой «на ты».
Мельчить нельзя, иначе – гибель:
Носком не встать – уйдешь по грудь.
Необходимы только глыбы,
Несущие живого суть –
Всего себя поставить против
Сыпучего песка сует!
Лечь на него при полном росте –
Таков и должен быть ответ!
И все легли, как строчки песни,
Взирая в направление Ost.

То было не под силу бездне.
Построился дышащий мост!
У женщины душа воспряла,
Когда спаслась из западни.
Уже заря вставала ала,
И новые спешили дни.

Стояли все на горизонте –
Такое можно только тут.
Но вы пока его не троньте:
Друзей слова посланья ждут!
Слова слетели, будто птицы,
И загудел, светясь, эфир:
«Вы не забудьте помолиться.
Теперь шагните в новый мир!»



**Глава пятая, в которой рассказано,
как друзья в мире океана-
воспоминаний помогли человеку
вспомнить главное в его жизни
и тем самым излечить душу
для входа в миры Света.**

Приближен он к Небесным Сферам,
Где Божьи ангелы парят,
Где сила истинная – Вера!
Любовью где сердца горят!

А этот мир – как беспредельный
Всегда спокойный океан,
Торжественный и неподдельный
Покой – целитель бед и ран.

Над океаном сразу небо,
Как брат и друг его во всём.
Я и во снах тут раньше не был,
А представлял лишь летним днем.

В душе тут не бывает страха,
Зарёю всё озарено,
И музыка... Я слышу Баха.

Она с пространством как одно!

И в океане островами
Повсюду образы стоят,

Иль над бездонными водами,
Как облака, они парят.
 Частицы памяти *прошедших*
 За горизонт стези земной,
 Следы событий происшедших,
 Мечты ли о земле иной...

Они от душ не отрывались,
Ведь память – это часть души,
Но в подсознание заплутались,
Как без присмотра малыши.
 Я вспоминаю фильм по Лему:
 Всё – океан, повсюду он,
 И в нем бесстрастно, даже немо,
 Отрывок детства среди волн.

По этой глубине прекрасной
Возможно плыть, идти, летать –
Пространство, словно мысль, подвластно:
Парить, почти что как мечтать.
 Привыкли быстро к той свободе –
 Едва вошли, и уж в полёт.
 Возможно, по своей природе
 Мы это знаем наперед.

Они парили долго вместе,
Но подошел разлуки час,
И спутники, не зная лести,
Сказали: «Что бы мы без вас?..
 Теперь же мы свою дорогу
 До Божьих Врат должны найти.

Собрать бывшее... понемногу,..
Что растеряли по пути».
Они простились как родные
(Надеюсь, им родня и я).
Их ждали дали голубые
И необъятные моря.

Герои наши небольшие,
Хоть рост уже давно не в счет,
Не уходить пока решили,
А встретить, что произойдет.
«Пусть Промысел нам Сам подскажет,
Что делать и куда идти.
Пусть путь назначенный покажет!
Наш Ангел! Маяком свети!»

Как только подождать решили,
Они в мерцающей дали,
Где облака почти застыли,
Кого-то разглядеть смогли.
Мужчина был уже немолод
(Он быстро перед ними встал),
За ним тянулся слабый холод,
И сразу видно, что устал.

Сначала было недоверье,
Но после нескольких минут
Стал откровенным в полной мере
И рассказал, зачем он тут.

«Я из того, что было прежде,
Забыл немного, но теперь

Без этого не быть надежде,
И, если не верну потерь,
Мне в Божий мир Врата закрыты.
Вот и слоняюсь, словно пёс.
Во мне мои же силы скрыты,
Но я без них. Уже замерз.

Забыл я то, что мне давало
Полета чувство на земле,
Что вдаль меня из дома звало
На дружном с ветром корабле.
Забыл, что согревало в стужу –
Во время пасмурной беды,
Забыл заботливую дружбу
И чьи-то на снегу следы.

Еще руки прикосновенье,
Опущенный в раздумьях взгляд...
И в этом есть мое спасенье.
Как всё теперь вернуть назад?
Подобно это счастья брызгам,
Что в спешке уронил на пол...
Без памяти о самом близком
Я, как зимой деревья, гол.

Но поиски мои бесплодны,
И разум мой заледенел.
Обрывки памяти безродны –
Обиделись на свой удел.
Я сам могу, почти как веник,
Всю шелуху смести без слез.

Но вглубь... мне нужен собеседник –
Его участие и вопрос,
Возможность воспринять чужое –
Чужие образы – как явь,
Его желание большое
Пройтись по “водопадам” “вплавь”!
Мне нужно, чтобы поддержали
Меня, как стану я дрожать,
Мне нужно, чтобы удержали,
Когда я буду убежать».

«Признаемся, что в данной роли
Нам быть пока что не пришлось,
Но в этой доле много боли –
Знать, место и для нас нашлось, –
Друзья сказали. – Мы поможем:
Души глубины осветим!
Свои все силы в это вложим.
По волнам памяти летим!
Картин тут дивных мириады –
Отрывки чьих-то дней и лет.
Вопросами войдем в их грады,
Но не спеши нам дать ответ.
Всё вспоминай, напрягши волю,
Как в первый миг... в последний миг.
Тяни былое с кровью, с болью!
Шагни на смерти с жизнью стык.
И привлекутся силой этой
Похожих образов ряды –

Пройдут “весной”, “рекой”, “кометой”
И “целый год”, и “час среды”...
Потом покажем иль расскажем,
Что взор в глубины уловил,
Что родилось в сознание нашем,
И нам ответишь: ты там был?
Так соберем твои утраты.
Не торопись! Не унывай!
Неистребима буква правды,
Любви и дружбы! Ну, давай».

«Не ожидал такой подмоги.
Я – как несомый ветром лист,
Потом упавший по дороге
В песок... И вот пред Богом чист!
Я думал, что судьбина злая
Оставила от жизни пень,
Но крылья ангела послали
Помощников в последний день.
Всего себя готов отдать я,
Себя найти чтоб наконец.
Начнем же побыстрее, братья!
Поможет Бог труду сердец!»

Первые воспоминания

«Сейчас подумай о **начале** –
Днях первого календаря!»
Младенцы тут же закричали,
И вот что видели друзья.

«Вокруг зима снежинки сеет,
Дома в веселых огоньках,
Тебя же одеяльце греет,
И ты у мамы на руках.
Наверно, скоро будет праздник, –
Сомкнулись веки ото сна, –
Еще их много будет разных,
Но этим сказка рождена».

«Я слышу шорох листопада.
В мою коляску лег листок –
От этой осени награда –
За то, что я родиться смог.
Паук пугливый восьминогий
С дощечки смотрит на людей.
Здесь в парке спуск, но он пологий.
Ах, побыстрее бы, побыстрее!»

«Апреля солнце слепит глазки,
Теплом касается лица,
Как будто мамы моей ласки.
Друзья повсюду у мальчика.

Вот и ручей сказал: “Приветик!”
И воробей: “Чего молчишь?”
Я подарил бы семицветик,
Но не могу: пока малыш».

«Качая мощными ветвями,
Деревья сторожат меня.
Согретый тихими словами,
Уснул я в середине дня.
Там над деревьями полоска
Смотрящей вниз голубизны.
Моя колясочка неброска,
Но небо всё ж вошло во сны.

И бесконечностью открылось,
И показало красоту,
Поцеловало... Удалилось
И ждет, когда я подрасту!»

Несчастный вострепнулся: «Вспомнил!
Я вспомнил этот “тихий час”!»
И всех героев наших обнял.
А те продолжили рассказ.

Папа

«Склонился надо мною кто-то,
И я за чуб его тащу.
Мне улыбаться неохота,
И я тащу, и я кричу!

А он смеётся и ласкает –
Лицо в морщинах, лоб высок –
И рук моих не отстраняет,
И тихо говорит: “Сынок”...
Там за окном бушует ветер,
А он уже в который раз
Про барсука, зайчишку Петю
Читает на ночь мне рассказ...
А вот качает на коленке:
“И раз, и два...” – считает мне...»
«Всё счастья моего моменты!
Я помню – был как на коне!»

Удивительные детские впечатления и фантазии

«О впечатленьях думай ранних,
Что через жизнь свою пронес.
Быть может, о поездках дальних,
Иль где гостил, иль где ты рос».
И загудели тут прибои,
И зашумели тут леса,
Что наши вздрогнули герои.
Их заглушались голоса...

«Стоят, как великаны, горы –
Дошли вершины до небес!
Ничто не ограничит взоры.
Ах, если б я туда залез...

Увидел бы, где солнце прячет
Свой яркий свет ночной порой,
По облакам как люди скачут,
Что проводили “на покой”.
И я бы прыгнул в пух и вату!
Там бабушку бы отыскал.
Она заваривала мяту,
Пекла блины, пока я спал.
Я всё бы, всё с горы увидел:
Собачку – с ней играть любил,
Мальчишку, что меня обидел,
Но я его бы не побил.
Потом бы слез с горы у неба
И обо всём бы рассказал:
Кого встречал, – где только не был,
Когда я спрыгивал со скал!»

«В лесу деревья – будто стражи,
Они хранят секреты мест.
Я подхожу, уже мне страшно –
Меня встречает темный лес.
Тут где-то бурые медведи
Повсюду рыщут, ищут мед.
Тут никогда не ходят дети.
Тут бабка старая живет.
Но дальше, дальше есть поляна,
Там гномов радостный народ.
Встают с рассветом – очень рано
И поливают огород.

Потом у них часы веселья!
И я бы в гости к ним пришел,
Но сторожат пути деревья,
И взгляд больших дубов тяжел».

«Я маленький, а всюду море,
И пеною шумит у ног.
Мне кажется, затопит вскоре
Весь берег, дайте только срок.
Наверное, за морем страны,
Которые уже в воде.
Сегодня просто слишком рано,
Но будет тут вода везде.
Оно уже рычит и злится,
А волны устремились ввысь.
Мне надо с морем подружиться,
Чтоб в наводнении спастись.
Представлюсь я стихии сыном,
Преобразуюсь одним броском
И уплыву вперед дельфином,
Махнувши берегу хвостом.
Закаты буду и восходы
Встречать на тихой глади вод.
И будут проноситься годы,
И всё пройдет, и мир пройдет».

«Течет река вчера и нынче,
И завтра будет также течь,

И будет слышать гомон птичий,
И чей-то смех, и чью-то речь...
 Река течет, но камни стары –
 Я их сейчас поднял рукой.
 По ним, возможно, динозавры
 Ходили давнею порой.
Тысячелетия и войны –
Все, что легли в песок ничком, –
Река и этот берег помнят,
Но всех встречают тут молчком.
 Леплю я глину, будто тесто...
 А завтра кто-нибудь другой
 Придет сюда, на это место
 И камень подберет рукой,
О динозаврах тоже вспомнит,
О том, кто до него ходил,
Но будет берегом не понят,
И он останется один.
 Потом уедет, и другие,
 Наверно, то же повторят...
 Лишь облака тут кучевые
 Между собою говорят.
Через столетье будет то же:
Река и небо надо всем,
Но берег станет чуть положе –
Он рушится, хотя и нем.
 Река уносит отраженье
 Меня,.. того, что здесь со мной...

И всё покой – покой в движенье.
Я чужд ему, и он не мой».

«Конечно, вспоминаю лето...
Таких немного на веку.
В заливе Волги было это –
Я шел по мокрому песку...»

Мама

«Теперь подумай ты о маме.
Она – наш первый взгляд и вздох.
Она до самой смерти с нами.
А что потом, то знает Бог».

«Повсюду ходят люди в белом
Со шприцем, с острою иглой,
Но я с врачами буду смелым,
Ведь мама рядышком со мной!
Она сильнее всех на свете –
И драчуна, и колдуна!
И никого нет на планете,
Кого боялась бы она.
А если я вдруг потеряюсь,
Она всегда меня найдет.
И я без страха улыбаюсь:
Во веки мама не уйдет!
Она мне даст печенье с медом,
Во двор машинку принесет,
Помажет мне коленку йодом...
От смерти, от всего спасет!»

«Всегда иду я в школу с мамой.
И день удачным вышел чтоб,
Как от побед частицей малой,
Касается, целуя в лоб.
И я иду как будто рыцарь,
Заговоренный от копья.
Меня сама беда боится,
Знать, волшебством хранимый я!
От тайной силы поцелуя
Мне целый день во всём везёт,
И я бегу домой ликуя!..
Но если вдруг наоборот:
Меня постигла неудача
“Коварством темного царя”...
И возвращаюсь, чуть не плача,
Мне всё простят, любовь даря,
И мелкою предстанет “драма”,
Беда же будет не беда –
Все уврачует раны... мама.
(Ах, если было б так всегда!..)»

«Моя и мамина кровати
Всего-то в метре. Каждый раз
Поэтому, как должен спать я,
Такое действо есть у нас:
Друг друга держим мы за руку,
Закрыв глаза, встречая сон,
И это верная порука,
Что будет ночь спокоен он,

Что разных бедствий не случится –
Земля с орбиты не сойдет,
Что счастье, как и жизнь, продлится,
И добрая заря взойдет.

Держась за руку, засыпаю,
Хотя уж в общем не малыш.
Всё будет хорошо – я знаю...
А за окном воссела тишь...»

«Да, это было – мы держались,
Друг другу руку протянув.
Так хлопотные дни кончались,
Во тьму ночи тревоги сдುವ».

Наши бессловесные друзья

«Пусть слышится другая нота,
Смягчив дыхание твое:
С любовью наравне **забота!**»
Вокруг затывало *зверьё*.

«Когда ребята отвернулись,
Когда с родными нелады,
На мне несчастья все столкнулись,
Со мной, мой пёсик, только ты.
Положит лапы на колени
И слёзы слижет языком –
Ему не надо объяснений,
Здесь уверенья ни при чём.

Везде поможет и поддержит
По мере сил и выше сил.
Удача раньше с ним забрезжит.
А мне он жизнь свою вручил.
Хотел бы я от целой своры
Рычащих псов его спасти!
Тебе котлетку дам я скоро.
А что дразнил... ты уж прости».

«Мне не податлива жалейка,
С гитарой тоже не знаком,
Зато поет мне канарейка,
Покою наполняет дом.
Закрыв глаза, я вижу рошу,
И тает жизни суета.
Свое мне сердце слышать проще:
Души проходит глухота.
Мне день вчерашний всё прощает,
А день грядущий не страшит:
Господь судьбу мою решает
И от невзгоды даст мне щит.
Я слышу песню, и невольно
Из сердца гонится печаль.
Того, что дадено – довольно,
А то, что упустил – не жаль.
Пусть мир и не минует краха,
Нахлынут страхи всё сильнее...
Со мною будет эта птаха,
А я останусь рядом с ней».

«Как камушек (не спутать с ним бы),
Почти во всём на внешний вид,
И только глазками живыми
Всё смотрит, смотрит и молчит.
Я знаю, что она боится.
Я чувствую, когда дрожит.
Я представляю, что ей снится,
Когда на солнышке лежит.

Я страхи все твои развею
И не оставлю никогда,
Своей рукой тебя согрею,
Пусть даже будут холода,
Пусть даже мы на Белом Свете
Останемся совсем одни,
Я расскажу тебе о лете...
Присевши тут, а ты усни».

«Моя родная черепашка.
Тебя в апреле схоронил.
Как мне на сердце стало тяжело.
Но боль нужна, чтоб дух не стыл.
А вот еще воспоминанье –
Оно само пришло ко мне,
В нем есть и жизни начинанье,
И грусть об уходящем дне.

Мы отдыхали всей семьёю
На берегу реки большой.
Покой струился над рекою,
Но грусть всегда была с душой.

Я думал: “Тут мы ненадолго –
Уже иное время ждет –
Года у нашего порога,
В них будет и огонь, и лед...”

И многому дано свершиться –
Не всё случится, как в мечтах...”
Тогда я не умел молиться,
А песню пел о “деревах”,
Которые шумны до срока
И зеленеют до поры,
Которые стоят высоко,
Пока не срубят топоры.

Решил я: “Вот пока мы вместе,
Тревогой где лишь летний гром,
Не буду думать я о песне,
Не буду думать, что потом”».

Ощущения счастья

«Скажи теперь о **светлом взгляде**
В грядущий день, в спешащий миг,
Когда душа – как на параде,
Когда ты будущность постиг!»

«Вот я среди веточек сирени.
Экзамен завтра – я готов.
Но всё же напрягаю зреньё:
Ищу цветок в пять лепестков.
И нахожу как подтвержденье,
Что день меня счастливый ждет!»

И от тревог освобожденье –
В судьбе еще один “зачет”!
И год счастливый ожидает –
Уже его я вижу бег.
Пусть кто-то в мыслях и блуждает
Я знаю: ждет счастливый век!»

«Весенний теплый ливень хлынул,
И веселится гулкий гром!
Я зимнюю печаль покинул,
Взбежал одним прыжком на холм!
Смотрю, как моется округа –
Смываются и грязь, и сор.
От грусти, словно от недуга,
Свободны мысли с этих пор!

И гром дурное прогоняет,
Пугает страхи всех мастей.
То отстает, то обгоняет
Сороку с кучей новостей.
А дождь прошёл! Иль незаметно?!
Но чувство счастья не прошло.
И я поверил беззаветно:
Теперь всё будет хорошо!»

«Иду домой из института,
И небо мая надо мной!
Пускай взяла дорога круто,
Я знаю: крылья за спиной.

Мы с этим небом побратимы.
Я в небе! (Только у земли.)
В полете мы непобедимы!
Светило! Путь нам освети!

Нам озаряет Солнце дали
И согревает по пути.
Его лучи нам пожелали
До бесконечности дойти!

Уверен я, что это правда,
И впереди счастливый край...»
«Да, чувство то ценнее клада!
Я помню лучезарный май!»

Друзья

«Ты вспомни, кто всегда был рядом –
Своих **друзей** – второе я,
Кто укрывал тебя под “градом”,
Кто плыл с тобой через “моря”!»

«Мой друг, что самых близких ближе,
Кому доверю я мечту,
Ты – мой судья, заступник ты же,
И сам страдаешь по суду.

С тобою в путь, не зная цели,
Пойду без слов “зачем?” да “чей?”...
Ты дашь в ответ семь дней недели,
А вместе с ними семь ночей.

Мне счастья одного довольно
На нас двоих, когда твоё.
Мне даже не бывает больно,
Когда с тобою мы вдвоём!»

«Кто был со мной десятилетия,
И кто останется со мной,
Кто полушарье мозга третье –
Моё! И голос мой второй!
Разделим века завируху
Мы с ней с утра и до утра.
Она мне старый друг по духу,
А по природе мне – сестра».

«Такое редко происходит,
И недоступно для других,
Но вот который год проходит,
А я не забываю их –
Слова, что проникают в сердце,
Всё зло, весь грех во мне разя,
У этих слов могу я греться:
“Сынок, ведь мы с тобой друзья?”»

«В груди мгновенно защемило
От блеклых *образов* одних:
Везло мне на дорогах мира –
Всё это о моих родных».

Минуты с Богом

«Подумай о минутах с **Богом** –

О первых опытах души.

Касание Его во многом.

Что уловил в земной тиши?»

«Идей безбожных было время.

А я – мальчишка школьных лет.

Тогда в меня вселилось семя,

Внутри рождающее свет.

Весной на кладбище мы были,

Но не испытывал я грусть.

А в небе будто звоны плыли,

И благодать входила в грудь.

Я ощутил покой и вечность,

И освещала всё весна...

В душе еще была беспечность,

Но стала плоть земли тесна.

А через годы (было лето):

Я утром вышел на балкон,

Увидел небо... даль рассвета...

И родилось в сознание: “ОН!”

Поток чужих воспоминаний

Уже почти не вижу я:

Пришел конец моих блужданий –

Вы помогали мне не зря!

О тех днях

Я вспомнил, с папой как прощался.
В день похорон был первый снег,
Но благодатью освещался
Уход отсюда в новый век.
 Душа отказывалась верить.
 Я представлял в который раз:
 Вот он придет... в шесть сорок... в девять,
 Вот он войдет... обнимет нас...
Мне представлялось: вот он в кресле...
Как раньше смотрит сериал...
Ах, если б он вернулся, если б...
Как я тогда б его обнял!
 А может быть, он в коридоре...
 На всех нас смотрит и молчит.
 Вселилась боль... но то – не горе,
 То чувство будто монолит!
Такой родной, любимый, теплый...
В иной реальности сейчас.
Я будто окунулся в сопло,
Объединяющее нас.
 Печаль и пустота бездонны.
 Минуты стали из свинца.
 И только Бог смотрел с иконы
 Глазами будто бы отца.

Теперь я представляю часто,
Что мы стоим... Вокруг метель...

Всё-всё должно быть не напрасно!

Я сохраняю боль потерь.

Я сохраняю холод вьюги,

Которую он превозмог!

Я вспоминаю эти руки,

Которыми он мне помог...

И сколь ни будет путь мой сложен,

Снесу зной лета, стужу зим...

Я знаю только слово “должен”!

Иначе как я встречу с ним?..

О любимой

Скажу немного о Любимой

(А больше – только для двоих).

Она природою незримой

Всегда со мною, словно стих.

Любовь не может быть былинкой –

Ее соцветье велико.

Моя любовь чуть-чуть с горчинкой:

Была вблизи и далеко.

Я мог Любимой улыбнуться

И мог Прекрасною назвать.

Но я не мог к ней прикоснуться,

Не мог ее поцеловать.

Она была со мною взглядом,

Сама ж за тридевять земель –

Не мог укрыть ее под градом,

Не мог ей подарить капель...

И в этом виноватых нету,
Ведь так бывает иногда.
Мы порознь шли по Белу Свету,
Но встретимся, я знаю. Да!»

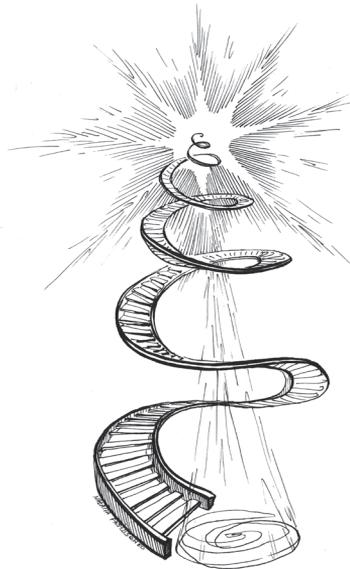
В преддверии Мира

Вдали пространство будто сжалось,
И хлынул свет под неба звон –
Героев наших завершалась
Дорога в памяти времен.
 Друзья и спутник просияли,
 Им облака отозвались.
 Подумал каждый: «Это я ли?!»
 «Достоин», – прозвучала высь.
Где горизонту было место,
Явились пламенем Врата!
(Хоть мне о том не всё известно,
Пока земных судеб лета.)
 У Врат тех Ангелы стояли –
 В руках горящие мечи,
 Их крылья заревом сияли –
 От их пера огонь свечи.
Когда герои, как из ночи
(Таков контраст), к Ним подошли,
Они мечи подняли молча
И взоры к Небу вознесли.
 Оттуда Глас раздался громом,
 Но не пугающий ничуть:

«О человек! Тебя ждут Дома –
Тебе открыт на Небо путь!

А вам, малютки-пилигримы,
Принять послание дано,
Ведь ваши души непалимы –
Пройти вам дальше суждено».

Опять постигло расставанье –
И всё сильнее сердце жжёт.
Но нас зовет обетованье –
Иного Мира повесть ждёт.



*Глава шестая, в которой
рассказано о Божественных
мирах и о том, что друзья
получили знание о бытии души,
ее предназначении, о существах,
отошедших от Бога, и их кознях.*

Тот мир лишь ветка Мироздания,
А как торжественно высок!
Земное не вместит сознание,
Не выразит привычный слог.

И всё же много от земного –
Я вижу благодать, покой...

У нас единая основа,
Чуть уловимая строкой:

Всё, что мы чувствуем и знаем,
Всё, чем душа у нас живет,
Всё, что от смерти сохраняем,
Всё, что уносим в Небосвод.

Но может быть, точнее будет,
Не столько Там земного след, –
Который через нас пребудет, –
А на земле Небесный Свет!

Душа у нас оттуда родом,
Всех наших чувств истоки Там!

Но проживая год за годом,
Привыкли мы к земным чертам.
 И думаем, что в мире Горнем
 Совсем иначе дух наш рад.
 На самом деле всё, что помним,
 Сильнее Там во много крат!
Что чувствовал, смотря на поле
И на дороги полосу,
На небо, вторящее воле,
Холмов вечернюю красу...
 Почувствуешь и Там, но глубже
 И ярче, словно здесь ты спал.
 Не будет только смерти стужи
 (В душе об этом каждый знал).

***Об удивительных пространствах
Вола, Орла, Льва, Ангела...***

И вот дошло повествованье
О четверых друзьях *Сюда!*..
Не всё вошло в моё сознание,
Скажу, как понял, – не беда.

Просторы... дивные просторы!
И будто музыка поёт...
Всё можно уловить нескоро,
Но сразу чувствуешь полет!

Вверху порою проплывает,
Как части неба ореол,
И на минуту застывает
Проникнутый очами *Вол*.

И облака, объединяясь
Пока минута не прошла,
Летят, лучами освещаясь,
И обретают вид *Орла*.

Светило вспыхнет, развернется
И обернется дивным *Львом*.
А горизонт зарей займется
И станет *Ангела* крылом!

Всё возвращается, однако,
К обычным для меня чертам.
Не всё я понял в тайне знака –
Возможно, станет ясно вам.

Наверное, так говорится:
Что всё живое, всем живет!
Кто в сущность сможет углубиться,
Самопознание пойдёт.

Еще об узах наших кровных,
О долге пред лицом родства,
О том, что здесь – в мирах бездонных –
Всё под защитой Божества!

Друзья же наши продвигались
В просторах лучезарных сфер,

И горизонты раздвигались,
Нигде не ставился барьер.
 Когда они вошли без страха
 На светло-бурое плато,
 Несла их дальше *Черепаша* –
 Таких не видывал никто.

Была кочкаста и горбата,
Огромная – почти как холм,
Шла будто бы тяжеловато,
А ветер отставал, и гром!

Но на плато и гром, и ветер
Гостили редко. Здесь покой
Всей красотой героев встретил.
И миф лился строкой-рекой.

 Они вошли в ее долину,
 Там поджидал их *Носорог*.
 Он посадил их всех на спину,
 Где был у той реки исток.

А рог его терялся в тучах
И омывался влагой их,
Бока – как каменные кручи,
Но сам, как летом горы, тих.

Он их донес до поля снега,
Что был не холоден, но бел.
А дальше – до морского берега –
Их взял *Медведь*... Я б оробел:

Лохматый, как леса Сибири,
Порой рычащий как вулкан,
А лапы горы бы разбили,
Подобно тысячи векам!

Потом они под парусами
Ушли на дивном корабле –
Притом не понимая сами:
Они на небе, на волне?!

Не ветры нагружали шкоты –
Дул в паруса Восхода свет.
И воды, и небес высоты
Стремилась также – на Рассвет!

В прозрачной глади было видно
До солнцем залитого дна...
Мне стало капельку обидно:
Смотрю я будто бы из сна.

(Пока не с ними я телесно –
Мой путь дотуда не дошел.
А как их вижу – неизвестно,
Решенье ангел наш нашел.)

Когда корабль дошел до суши,
Рассвет еще сильней пылал.
Святые всюду жили души
И те, кто с ними Бога ждал.

Знакомых Там я видел тоже –
Людей великих и простых.
А главное... Помилуй, Боже!
Отца я видел среди них.
Мы не смогли сказать ни слова
От чувств! Лишь как-то собрались...
Друзей ждала дорога снова –
Их ангелы взметнули ввысь.

О Боге и душе

Мне страшно говорить, что дальше,
Но также страшно промолчать:
Не избежать огромной фальши.
Не знаю даже, как начать.
 Не духовидец я, не гений –
 Умом не расколю орех.
 Никак не поборю сомнений,
 Ведь мой рассказ, возможно, грех.
Но, раз уж начал, кто продолжит?
Пусть Божий Дух меня крепит,
Пускай в меня Он правду вложит,
Ведет рукой и говорит!
 А если что – пусть покарает,
 Не даст греху пролиться к Вам,
 Читатель мой! Пусть не узнает
 Никто, что я предал строкам.

Друзья стояли перед Богом,
А я смотрел одним глазком –
Лишь им поведано о многом.
Скажу, как понял я потом
 О Мирозданье, о творенье
 И о мирах, о существах...
 Попробую забыть сомненья
 И кратко передать в стихах.

Зерно души в ее *Рисунке*,
В *Структуре*, в *Образе*, и всё
В душе хранится, будто в сумке,
Но Образ – это суть её.
 Творцом тот Образ создается,
 А всей душою воплощен –
 Любая личность узнается
 Лишь по нему. Прекрасен он!
Неповторим и уникален,
Неотделим и неделим!
Яви его – и ты прославлен:
В нем Божий Зов, и Воля с ним!
 Узором личности зовется.
 Ни меньших нет, ни больших нет –
 Их и сравнить не удастся.
 Есть в каждом Бога Сущий След!

Но если существо живое
Души Рисунок исказит,

Войдет в него дыханье злое,
Что гибелью в конце грозит.
 Души Узора искаженье
 Влечёт рождение помех,
 Постигнет личность униженье:
 Суть искажений этих – грех!

Душа предаст свою природу
И потеряет Бога Дар.
Оставят ей её свободу,
Но будет, как в огне Икар.

В процессе жизни душу полнят
Все чувства, образы, дела,
Что личность, существуя, помнит
Всё, что в себе развить смогла...
 Но образ личности на части,
 Не разложить – он сразу весь!
 В нем Богом даденное счастье –
 Кем мы должны быть! Кто мы есть.

А Бога в чём Обетованье?
ОН Сам во тьме Собой Рожден.
ЕГО УЗОР – СУЩЕСТВОВАНИЕ:
«Я – СУЩИЙ», – нам поведал Он!
 Где пустота бурлит, не дремля,
 Где «есть» и «нет» – единый миг,
 Где порвано пространство-время,
 Куда и свет бы не проник,

ОДНО способно встать над бездной
И стать Столпом для бытия,
Рукой Единою железной
Поставить пустоте края,
 Явить энергию, движенье
 Из пены темного «ничто»,
ОДНО способно дать рожденье
 Всему! То есть Душа Его!

А квант Ее и есть частица
В том Мире, что другим – как Ствол, –
В нем каждый может воплотиться,
Но в теле – дух не будет «гол».
 Когда же Господом рожденный
 Свое сознание укрепит,
 Он будет в мире воплощенный,
 Где сам – над бездной «монолит»!
Он сможет сам давать движенье,
А им рожденные – своё.
Так умножается Творенье,
И так «ветвится» Бытиё!

О демонах

Но кто, над бездной воплощенный,
Свой образ как-то исказит,
Его итог уже решённый:
Уйдет богоподобный вид –

Способность добывать движенье,
И мир из пустоты, и плоть...
Венчает голод поражение.
И падшая твердеет «кость».

Но как же в беса может ангел
Переродиться?! Где тот акт,
Когда душа горит как факел,
Встает на место рая ад?!

Причины эти в жизни – вески:
Смогла душа проснуться чтоб,
Душе необходимы всплески
Всегда бурлящего «ничто».

Без ветра опадает парус –
Для творчества, сознанья всем
Необходим первичный хаос,
Коллеблющий твердыни стен
Души! Но ангелы способны
Потоком этим управлять –
Влиянье хаоса свободны
И увеличить, и унять!

Но если в жажде мощной славы
Поток сверх меры пропустить,
Движенья этой дикой лавы
Способно душу исказить!
И с хаосом, что был пропущен,
Теперь уже не совладать –

Всё меньше сил, а мрак всё гуще!
И душу больше не узнать.
Хотел подняться Бога выше,
Но грех природу исказил.
Теперь уж это демон дышит.
И в немощи голодной взвыл.

Тот мир, в котором ангел правил,
Которого он был столпом,
Мертвеет – он его оставил.
Тот мир не возродит потом.

Движенье в мире сохранится –
Оно ведь Богом вручено, –
Материя переродится,
«Окостенеть» ей суждено.

А демон, не угаснуть чтобы,
Энергию чужую пьет –
Несчастных жертв своей утробы
К себе он хитростью зовет.

В Мирах чужих свои «ловушки»
Он также может создавать,
Где жизнь не стоит и «полушки»,
Где можно душу всю отдать.

Там смерть и боль, и ужас рядом,
Небытие сосет сердца.
Они-то и зовутся *адам* –
«Миры» вдали от Глаз Отца.

О земном мире

«А что Вселенная, где люди –
Мир сущий или “мир”-вампир?
Здесь наши дети, наши судьбы...»

Она – *окостеневший* мир.

Упал во тьму ее владыка –
Материя ушла из рук,
Не стало солнечного лика,
Здесь ныне место бурь и выюг.

Здесь поселились лед и пламень,
Случайность стала как закон.
Ее дитя – не дух, а камень,
И смерть воссела тут на трон.

Но прежний *князь* ее и слуги,
Что вместе захотели пасть, –
Хоть ткани косные упруги, –
Над миром сохранили власть.

В сравненье с ангельской – ничтожна,
Но зло и эта власть вершит
Огромное – представить сложно!
Лишь Бог ее да сокрушит!

Однако мрака срок не вышел,
И миром путь не пройден весь –
Пока, по разрешенью свыше,
Огонь и лед Вселенной есть.

А род людей, вступая в Славу,
Средь ангелов мужал и креп,
Чтобы принять *свой мир* по праву!
И в нем растить духовный хлеб.
 (Сейчас мы призваны животных
 Вести, как ангелы, Вперед...
 Но нас самих – больных, безродных
 Небытие к себе влечёт.)

Когда настало время влиться
В *конечный мир* для всех людей,
Где будут ангельские лица
У всех у нас без счета дней,
 Мы соблазнились черной волей
 И во Вселенную, как в дом,
 Вошли... Где были смертной долей
 Отмечены пленившим злом.

Теперь мы тут без сил и зренья
Рождаемся который век,
До срока нового Решенья,
Когда излечат всех калек,
 И новая возможность будет
 Войти в свой Дом, как надлежит,
 Где образ Божий в нас разбудят,
 Где вечный Путь для нас лежит!

Но слуги тьмы, плодя пороки,
Людей уводят в адский плен –
Подмешивают страсти соки,
Пронзают жалом стенки вен...

Чтоб, умерев, не возвратились
Мы в Руки добрые Отца,
А средь вампиров очутились,
Где мукам с болью нет конца!

В материи тяжелой, тленной
На наших крыльях кандалы.
Наш дух не побежден, а пленный,
Где мы больны и где мы злы.

Однако наша жизнь – задание,
И мы должны его пройти.
Или умножатся стенанья,
И душу больше не спасти!
Всё вынести должны мы с честью
Под пенье ангельских стихир.
Ну а потом с Благою Вестью
Должны покинуть этот мир.

***О «бессмертных»
и демонических соблазнах***

Иное есть у тьмы коварство:
Из мира к Богу не пустить –
Подсунув долгое мытарство,
«Бессмертьем» личность соблазнить.
И дали племенам познание
Глубинных тайн природы сей.
И вот у них сбылось мечтанье:
Они – цари Вселенной всей!

Они «бессмертны» и «всесильны»,
А значит, не уйдут вовек
Из мира пламени и льдины
Туда, где с Богом человек.

Мы им завидуем открыто –
Цивилизациям иным, –
Не понимая, что зарыто
В основе их, а власть их – дым!
 Что их могущество ничтожно
 В сравненье с Мощью мира Дня,
 Что во Вселенной невозможна
 Та Слава, ждущая меня!

Цивилизация земная –
И есть надежда у Небес!
Да, мы встаем у жизни края,
Но Божий Мир для **них** исчез.

Они по дьявольским советам
И нас хотели бы привлечь
К «бессмертной» жизни в мире этом
И душу от Небес отсечь.
 Но есть на то Запрет Всевышний
 Вторгаться прямо в *жизнь земли*,
 Иначе жизнь их будет лишней –
 Всех Ангел превратит в угли!
Лишь сами сможем мы поддаться –
По доброй воле их впустить.

Они пытаются добраться
До нас и всё ж уговорить
 Через оккультные ученья,
 Масонов, секты всех мастей...
 Стремятся затуманить зреньё
 И соблазнить игрой идей.

Порой их видим и в округе:
На небе, в море, на Луне
«Бессмертные» и *ночи слуги*,
Чьи души уж давно в огне.

Как многолики их соблазны –
От явных действий к миражу...
Мы наблюдаем сгустки плазмы –
О них лишь коротко скажу.

 Внутри планеты, где потоки
 Кипящих туч, горящих рек,
 Находятся тех тайн истоки,
 Что наблюдает человек.

Энергию полей и магмы
Там духам легче приручить, –
Загадочных явлений *флагман*
Нам удастся различить.

 Влияния каналы узки
 На этот мир. И все же так
 Энергетические сгустки
 От духов получают «знак»:

Растут и обретают форму,
И направление, и цель.
Тысячелетья дали фору,
Их не тревожа колыбель.
 В них жизни нет – рука чужая
 Им устремления дает, –
 Потоки волей окружая,
 Направил некто их в полет...

И вот шары, «сигары», диски
Летают в небе и воде.
Кто их ведёт – для вас не близки,
Они же могут быть везде!
 Остерегайтесь, чтобы с тыла
 Не появились сгустки тут:
 Весома и враждебна сила,
 Которую они несут!

Еще поведано немало,
Но то не для моих ушей –
Моя душа итак устала,
Она ж не как у малышей.
 В конце сказали: «Дальше снова
 На землю вы должны уйти,
 Но то, что было здесь дано вам,
 Не сможете произнести.

Сознание обратить не сможет
Всё в человеческую речь –
Вам путешествие поможет
Те образы “наверх” извлечь:

Когда пойдете вокруг планеты
За метром метр, за шагом шаг,
Найдете ко всему ответы –
Произнести поймете как.

Сопровождать вас будут люди –
Друзья! Им надо доверять.
И путь не будет слишком труден.
Мы верим в вас! Ну... Божья Рать!»

И ангелы их в руки взяли
Так нежно, будто мотыльки.
Мелькнули тут же горы, дали...
И берег вот родной реки!



***Глава седьмая, в которой
повествуется о кругосветном
путешествии героев,
загадочных местах и встречах
с известными людьми.***

Их словно бы по доброй воле
Отдали волны, и теперь
Мои друзья опять на Волге –
Стоят все вместе – без потерь.

***О путешествии в Старую Майну –
на родину моих родителей
и на могилы родных***

Готовые ко встрече с тайной,
Вначале двинулись в село –
Теперь зовется Старой Майной –
Оно им силы дать могло.
 Богоявленским звали раньше –
 Родные для меня места:
 Там время начиналось наше,
 А ныне – память... у креста.

По возвращении шагали
Они так быстро, что едва ль

За ними люди б успевали,
И даль для них была не даль.
Мелькали пастбища с полями,
А вдоль дороги – деревья.
Как счастлив, что я снова с вами –
Пускай не весь, а лишь... *слова*.

Пока отвлекся я, рисуя
Красоты и проворный бег,
На повороте, «голосуя»,
Остановил их человек.
Да это папка! Верить сложно!
Чуть улыбаясь, к нам шагнул,
Друзей погладил осторожно
И незаметно мне мигнул.

Пошел не отставая рядом
(Как будто между нами нить).
Его слова мне были кладом,
А я не мог с ним говорить.
Сказал, что всё о близких знает,
Им просит помогать Святым.
А там, где свет Зари не тает,
Друзей он встретил боевых:
Того, что в порванной шинели
В осколках кровью истекал,
Того, что нес под вой метели,
Того, что средь живых искал...
Все счастливы, но всё готово
За Русь Святую в бой опять,

Поскольку битва будет снова –
Уже идет чужая рать.

Потом мы подошли к могилам,
Что у дороги (до села),
И поклонились лицам милым –
Душа у всех была светла.

На домики, где прежде жили,
Смотрели мы, наверно, с час,
Но мы туда не заходили –
Другие люди там сейчас.

Пошли на кладбище второе, –
Где все деревья высоки, –
Стояли долго там в покое
У каждой памятной строки.

И хлынул ливень! Просто драма –
Такого в жизни не видал!
Укрылись за стенами храма.
Он лил и лил – не уставал!

Когда уж стали волноваться –
Не натворил бы ливень дел!
А дальше как нам пробираться?!
На небо папа посмотрел.

И будто что-то надломилось
В основе падающих вод:
Стихия вдруг остановилась,
И просветлился небосвод!

Мы, выйдя, любовались... Волга!
И так стояли б до утра,
Но вот на сердце стало колко:
Прощаться нам пришла пора.
 «Закончился отрезок Мишкин, –
 Смеялся папка мой в усы, –
 А дальше поведет вас Шишкин!» –
 Слова те не были пусты.
Иван Иванович нас встретил,
Сказал: «Дальнейший путь созрел!»
Мы побежали словно дети!
А папа долго вслед смотрел...

***О путешествии
с Иваном Шишкиным***

Немного погода спросили:
«Зачем сопровождают нас?
Ведь мы еще как будто в силе,
И нет запутанности трасс».
 «Не бойтесь, но остерегитесь.
 И где кусты, и где холмы, –
 Вы не внимательны – всмотритесь, –
 Там притаились слуги тьмы.
Направили их вслед за вами,
Нести посланье помешать.
Они уже скрипят зубами –
Готовы всех с землей смешать,

Чтоб миссия была закрыта!
Но пусть они сожмут клыки,
Ведь мы надежная защита.
Еще мы вам проводники.

Я должен довести до Крыма,
Там встретит вас святой Лука
Дорога тут... необозрима!
Мы вот что сделаем пока...»

И начал он писать полотна –
Пейзажи прямо без холста!
Пространство стягивалось плотно –
Стал лес не более листа!
Чтобы пройти его, довольно
На ту картину лишь взглянуть.
Руке художника раздольно –
Карьером устремился путь!

Возник и дуб среди долины,
Дорога и под небом даль...
Часы наполнены и длинны...
Так было почему-то встарь.
А вот и поле златотканно –
Колосья урожаем сулят,
И сосны, будто великаны,
Тут одинокие стоят.
Сосновый бор скрывает тайны,
Но солнцем залитый ручей...

Я помню, что давно он раны
Лечил мне лучше всех врачей.
А вот в лесу святой источник,
И деревушка в двух шагах.
Крестьянский тут гулял сыночек –
Поил коня в его водах.

Но сразу все остановились.
Промолвил мастер: «Переждем».
«Мы так летели, торопились...
И вдруг сидим пригожим днем...» –
Мы были все в недоуменье.
Художник вскорости сказал:
«Пора возобновить движенье.
Всё объяснил бы – напугал.

Мы были возле Украины,
А с Лысой проклятой горы
На нас пошли, как ночь едины,
Враги языческой поры.
Еще с поляны Гроловище
С собою увлекли грозу
И шли на нас бесовы тыщи –
От стольких я вас не спасу.

Но встала Муромца дружина.
Смогла хребет врагу согнуть.
Какая буря там кружила!..
И вот для нас свободен путь!»

О путешествии к истокам России и православия

Святой Лука нас скоро встретил:

«Вас ждет России колыбель!

Крестились здесь мужи и дети.

Спасенье к нам пришло отсель!

Господь сказал, что Церкви Божьей

Врагу не одолеть вовек!

Защитой Ей лишь мы быть сможем:

У нас для Православья брег.

А значит, Русская держава

Не рухнет силою врагов,

И не покинет Божья Слава

Россию до конца веков!

В Крыму есть множество загадок,

Но говорить о них почто:

Не должен ум до них быть падох,

Они ведь в сущности ничто.

Сыны страны не тем гордятся,

А чувствами к Руси Святой –

Они вам очень пригодятся,

Вы пронесите их с собой!

Гордитесь этой дивной долей!

Когда ж покинете вы Крым,

Святой вас встретит Анатолий,

И Верещагин будет с ним.

Но прежде, – глядя по-отцовски,
Не торопясь продолжил речь, –
Вас ожидает Айвазовский,
Чтоб море быстро пересечь».

Мы просто шли по глади моря,
А где-то волны нас несли,
Друг с другом соревнуясь, споря,
Как водяные корабли.

Когда ж враждебная пучина
Пред нами открывала пасть,
Сменялась мастерством картина –
Художник брал над нею власть.

Да вот и берег тот, турецкий,
«Ненужный», песня говорит,
Но аргумент есть очень веский –
Константинополь здесь стоит!

Давно невидимые тучи
Закрыли тут на сотни лет
Светило Церкви – град могучий,
Затмили православный свет.

Нас от вражды холодной древней
Глаза художника спасут –
Где корни выросших растений,
Противоядие найдут.

Покажут то, что смерть ничтожна,
Когда с ней жизнь вступает в бой,

Покажут то, что жизни тошно,
Коль смерть ей дарит образ свой!
И острое во взгляде шпаги –
Пронзается война насквозь!
Здесь побеждает Верещагин.
И взрывом всё отозвалось!

Святой же нас провел ко граду:
«Константинополь! Не Стамбул.
Да снимет Бог с него осаду!»
И православный крест блеснул
На Анатолии. «Однажды
Его вернут в Святой Удел!
И временам духовной жажды
Тогда приблизится предел!

Теперь наш путь к Господню Гробу!» –
«А к пирамидам мы пойдём?» –
Спросили мы «не зная броду».
«Мы ничего там не найдём!
“Бессмертные” не раз пытались
Других людей с собой увлечь.
Когда попытки удавались,
На них сходил Господний Меч,
Чтоб весь наш род не сгинул в яме!
Все те “культуры” Бог сметал.

Твердят об этом, как о драме,
Но Дух Спасенья там витал!

У пирамид же много функций:
И механизмы колдовства...
Еще соблазн для веры куцей,
И память чтоб была жива.

Ведь там хранятся знанья – свитки
Для наших путаных веков.
И если души будут жидки,
Они сулят нам плен оков!

Как будет вновь их длань раскрыта,
Все знанья хлынут через край!
Душа людей! Не будь убита!
Соблазн велик, но помни Рай!

“Творенья” эти многолики –
Все пирамиды, Стоунхендж...
Возможности у них велики,
Но от себя ты их отрежь,

Род на земле! Ты – шанс последний
Вернуться к Богу в этот век.
Ты – Славы Господа наследник!
Не обрати же кровь во снег!»

«А у “бессмертных” где “квартиры” –
Откуда к нам они снуют?» –
«Глубины, недра, луны, “дыры”...
Они приют себе найдут».

Ясна нам стала их порода –
Шуты для тьмы, не короли...
И вот уже мы возле ГРОБА,
Где сразу небо у земли!
 Огонь тут сходит благодатный!
 История слилась в одно:
 Века, года, недели, даты...
 И всё, как боль, оголено.
Нигде я не был столь уверен,
Что одиночество не ждет.
В Любви Господь наш неизменен.
И Он сквозь мир меня несет!
 Есть чувство сильное – остаться!
 Здесь! До конца! И я бы смог,
 Но надо, надо собираться,
 Иль я не выполню свой долг!

«Теперь ваш путь лежит в Россию,
Но прежде на гору Афон –
На ней удвоят вашу силу –
Так повелел монахам Он!»
 Что было там... Как расскажу я?!
 Как будто крылья ангел дал!
 Душа возвысилась ликуя!
 Нет моря для нее, нет скал!

***О путешествии по российским
просторам и о вторжениях
«бессмертных»***

«Пройти же дальше испытанья –
Леса и горы – поскорей
Покрыть большие расстоянья
Поможет Уточкин Сергей».

На чем мы только не катили!
На паро-VELO-корабле
Карабкались, шагали или...
Летели будто на стреле!

Уже Кавказ остался сзади,
Моря и реки за спиной.
Порою мы неслись не глядя –
Нес драндулет как заводной!

«Вот горы южного Урала! –
Сказал Сергей. – А вон и “Лось”!»
Изображение лежало,
Пересекая лес насквозь!

«Оно откуда? Поля шире!
И чья трудилась здесь рука?!» –
«Оно не одиноко в мире –
Колибри есть и *Паука*...

В Перу они на плато Наска...
От уничтоженных родов.
Печальная такая “сказка”:
Ее финал всегда таков.

Рисунки созданы могучим
И полным гордости умом.
Он мог подняться выше кручи!
Но... Вам известно, что потом.

Теперь рисунки привлекают
Людей с ошибочной мечтой
И чудом разум соблазняют,
Давя огромною пятой.

Но вот и север гор Уральских,
И не пройти нам просто так:
Здесь было пекло козней адских –
Огни с собой тянули мрак.

И тут же к нам явились девять:
«Я Дятлов – Северный Урал, –
Сказал один. – Должны нам верить,
И вы пройдете перевал.

Мы все погибли в турпоходе,
Зимой – в начале февраля,
Где вьюга у предгорья бродит,
И красной кажется заря.

Тогда свидетелями стали
Неведомых событий тут:
Шары горящие летали,
И над землей катился гуд...

Огнем, ударом, зараженьем
Людей окутала пурга.

С таинственным врага вторжением
Могилой стала нам тайга.
 Что было острием расправы,
 Ответа я сейчас не дам.
 Да и не нужно это – право.
 Сегодня мы поможем вам».

Когда с ребятами простились,
Мужик нас встретил – бородат,
Глаза как будто бы светились,
Довольно крепок был на взгляд.
 «Ваш путь и дальше будет труден –
 Я послан вас сопровождать.
 Григорий я, – сказал, – Распутин.
 Иначе долго вам бродить.
Кружить вас будет сила тёмна,
Пригонит раннюю пургу...
Тайга сегодня злобой полна –
Заговорить ее смогу.
 Большое дело дали раньше:
 Хранить монархию от бед,
 Но много повстречалось фальши,
 И сам подрастерял я свет.
И всё же был с людьми я честен,
Но оклеветан знатью стал,
Да иноземный след известен...
Вот перед миром и упал.
 Держава кровию училась –
 Легли во гроб ее сыны...

Теперь же прошлое простилось –
Задачи новые даны.

И в этом многое по-русски:
Гульба и крик, мольба и стон...
Ну вот мы подошли к Тунгуске –
Теперь известный всем район.

Мне не дано познать всю правду,
Но то, что понял, передам:
Готовилась планета к “аду” –
К астрономическим огням!

Светилось небо уж неделю,
И смертью неслась гора...
Густая ночь укрыла б Землю –
Пришла бы страшная пора.

Но вглубь нехоженого леса
По атмосферному пути
Свои лучи направил Тесла,
Чтоб “гостя” в клочья разнести!
Знал повелитель резонанса
Глубинным зреньем обо всём,
И вот заряженная трасса
Летит в Сибирь, светясь огнем!

Был взорван камень на подходе –
И не взметнул земную пыль...
В восьмом случилось это годе.
Но может, и не всё тут быль.

А вот кто нас уже встречает:
Хранитель, что века сверкал,
Он чистоту в себя включает –
Живой и сказочный Байкал!
 Есть на планете злые пятна,
 И через них проходит зло!
 А есть места – природы “злато”,
 От них становится светло!
Вы смотрите как прежде – бодро!
Задачу выполнил свою.
А с вами будет старец Фёдор –
Я вас ему передаю».

Он был высок, красив и статен.
Рубаха – словно бы стихарь...
«Вы разумение не тратьте.
Я – Александр, русский царь.
 Известно, что меня подвигло
 На путь вдали от стен дворца –
 Ранение души настигло
 И взгляд последний... – взгляд отца.
Я очищал по мере силы
Себя и венценосный род,
Чтоб Богородица простила,
И принял Неба Святый свод.
 Служил я Богу и народу,
 И продолжаю я служить.

Принизив плоть – познал свободу.
Уйдя от славы, стал я жить!

А нам поторопиться должно:
С горы Кайлас слетело зло.
Пребыть сюда ему несложно,
Оно на нас уже пошло.
 Но террактотвое войско
 Отправилось наперерез –
 Оно хоть с виду и неброско,
 Но перекроет входы в лес!

Гора Кайлас – одна из точек,
“Бессмертных” где лежит печать –
На ней стоит бесовский росчерк.
Нельзя позволить им вещать.

 Иных цивилизаций выход.
 И Шамбала там сети вьёт
 Пока что незаметно, тихо...
 Но время их еще придет.

Как власть возьмёт безбожный лидер,
Они сорвут с себя вуаль.
О встрече с ними жаждал Гитлер,
Посланцев отправляя вдаль,
 Мечтал о норах Антарктиды,
 Чтобы держать “земную ось”,
 И лодки слал к сынам Изиды.
 Возможно, что-то удалось...



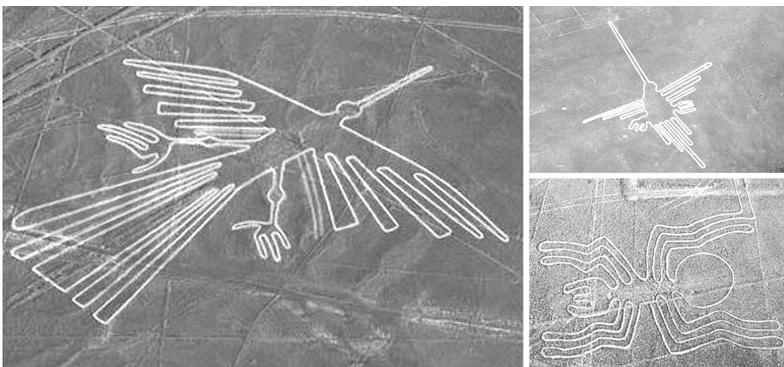
У пирамид же много функций...



“Творенья” эти многолики – /
Все пирамиды, Стоунхендж...



«Вот горы южного Урала! – /
Сказал Сергей. – А вон и “Лось”!»



И чья трудилась здесь рука?!» – /
«Оно не одиноко в мире – / Колибри есть и Паука...



И лица первые на скалах / Осыплются... минутой в прах.



У храма были мы в Париже – / Там формы бесов на стенах!



И вот уже мы возле ГРОБА, / Где сразу небо у земли! /
Огонь тут сходит благодатный!



А вот и город мой родимый, /
Ульяновск – правильной, Симбирск!

И в этом континенте *люки*,
Где прячется “бессмертных” власть, –
Хотят нам дать свои науки,
Чтоб Славу Божию украсть.

Пока идем мы с вами точно,
А значит, всё нам по плечу!
Вот новый космодром – “Восточный”.
Что, к слову, я сказать хочу:

Джордано Бруно, Циолковский
Постигли взлет существ иных,
Найдя Вселенную не “плоской”,
Ошиблись только в *знаке* их.

Но что такое сердце слышит?!
Кайласа силы прорвались –
Необходима помощь Свыше!
Молись, народ, Христу молись!
И появился тут Георгий –
Теперь Небесная с ним Рать!
И враг сломался многогогий –
Всей тьмою обратился вспять!

Свободен путь! Теперь мы можем
Идти к далеким берегам.
А здесь дорогу подытожим –
Не быть напрасными шагам».

Но в ту минуту, как отплыли,
На нас напали змеи зла –

Где ж они прятались, где были?!
До горизонта даль светла!
 «В пространстве дыры есть, провалы –
 Таких немало на Земле...» –
 «А где ж у этих дыр “подвалы” –
 Идут “петлей” или “в стволе”?» –
«Там исчезают люди, звери...
И возникают в пустоте...
Как будто призрачные двери...» –
«К другим местам? Другой звезде?» –
 «“Бессмертные” те дыры знают,
 Используют в своих делах.
 Иль даже сами прорывают,
 Пространство путают в узлах.
Тут “Море дьявола” такое
(Возле Японских островов).
Знать, из него Небес изгой
Явились к нам, как страхи снов!

Они идут! Они всё ближе!
Спаси, святитель Николай!
Друзья, смотрите! Он услышал!»
И визгом обратился лай
 Чудовищ, вылезших из бездны.
 Они опять вошли в дыру,
 Пути которой неизвестны
 (Как будто черви под кору).

Но волны грохнули с размаха!
Утихомирить воды чтоб,
Как океан, творенье Баха
Вниз полилось... И стихнул шторм.

О путешествии по Америке

Так плыли мы в двух океанах –
Под музыку и тихий плеск.
Мы думали о новых странах,
Вечерний созерцая блеск.
 И вот Америка! Покоем
 Она встречает наш поход.
 Мы в море прорывались с боем,
 А здесь нас мир, похоже, ждет.

На берегу стоял Джек Лондон –
С ним хорошо знаком отец.
Его талант был щедро отдан
Любви и мужеству сердец
 Людей бедовых, настоящих,
 Суровых опытных мужчин
 На тропах, под ногой пылящих,
 Под парусом и среди льдин.

Нас встретил Бредбери – философ
Под фантастической канвой.
Его ответы – мне вопросы,
А жизнь – в реальности иной.

Его рассказы – как обрывки
Сплетений снов и чувств ума.
Ты пьешь его густые «сливки»
И проникаешь в смысл «зерна».

Был третьим с вороном ведущий
О смерти непрерывный спор,
Движенье мрака познающий
На грани ночи – Эдгар По.
Его видения опасны,
Он понял, что рискуем мы,
Поскольку всюду, ежечасно
Нас атакуют силы тьмы.

И, наконец, был Сетон-Томпсон.
Он понимал волков и лис,
Мог говорить с обычным мопсом
И птиц просить спуститься вниз.
Он следопыт и наблюдатель,
Внимающий чужую боль.
Со школы я – его читатель.
Он жизни передал пароль.

Не приводя отчет подробный,
Скажу, не зря они пришли:
Дорога здесь не стала ровной –
Они во многом помогли.
На страшном ранчо в штате Юта,
На острове ли Алькатрас,

Где только призракам уютно,
Они всегда спасали нас.

Или в Долине Безголовых,
Или у дуба Комптон-Хилл,
Где гибель ждет несчастных новых,
Как жертв в объятьях темных сил...

Как я в Америке ошибся:
Не мир она несет, но ад.
Тут континент уже крошится,
И он своих погубит чад.

Добра немало совершила –
Давала от врагов приют.
Но судьбы стран она вершила.
Америка идет на суд!

Дралась с «коричневой чумою»
И отменила рабский труд.
Как хищник правила Землею.
Америка идет на суд!

Людей известных породила,
Но миллионы вопиют –
Для них разверзнута могила.
Америка идет на суд!

И вес ее уже измерен –
Он оказался невелик,
И путь гордыни неизменен –
Он не увидит Божий Лик.

Знак превосходства – это метка
Для неизбежных катастроф.
И будет сломлена та ветка,
Что не дает благих плодов.

Свобода Вышняя устала
«Свободу» видеть всю в шипах.
И лица первые на скалах
Осыплются... минутой в прах.

Когда война отсюда грянет,
Чтобы ее остановить,
Не только Небо – всё восстанет,
Раскрутится событий нить!
Плеснут ли крылья океаном –
И он Америку сожрет,
Войдут ли души в пасть вулкана –
И он Америку сожжет!

И всё ж еще осталось время
Понять, покаяться, спастись.
Америка! Живи не дремля!
Проси Всевышнего! Молись!
Ты вспомни, как погиб «Титаник»
«Непотопляемый» – за ночь!
Случайности? Закона длани!
Ты, как и он! Гордыни дочь!

Мы отплывали с тяжким сердцем.
Нас принял на борт Ушаков –

Святой монах. (Давал он перца
Врагам России – свет таков.)
Мы думали о судьбах мира:
Что нам возможно, что дано,
И кем подложена та «мина»,
От коей мир идет на дно.
Как повернуть назад процессы,
Чтоб время обратилось вспять?
Какие им исполнить мессы,
Чтоб с общества проклятье снять?
*Там... каждый за себя в ответе,
И всем воздастся по делам –
Не за отцов страдают дети,
С любого спросят: «Кто ты сам?»*
И будут в Небе с Богом рядом
Американец, русский, негр...
Един ко всем Своим Он чадам,
Любовью в Жизнь Он всех изверг.
Но города и государства,
Ведомые рукою зла,
Разрушатся, как прежде царства,
Чтобы их Лета унесла.
Они исчезнут, как болезни,
Как наши немощь и позор...
Всё ж для людей порой полезней
Не углубляться в этот спор.

Мы плыли, сжав печаль в ладони,
И океан давал нам путь,

И плакал в Небе Альбинони...
(Или не он – не в этом суть.)

О путешествии по Европе

Дыхание зашлось от счастья,
Когда пришли мы в Старый Свет.
Сервантес принял нас в объятья,
Которому и равных нет.

Сказал апостол, будь безумным
И поруганье пей из чаш,
Поскольку Днём великим Судным
Наказан будет разум наш!

Безумье это воспевалось
Великим мастером Земли,
Оно веками собиралось
Святыми в городской пыли.

Оно Любви сестра родная
И с Добротою заодно.
Страницы Истины читая,
Мудрее разума оно.

Сервантес заглянул в глубины
Происходящего вокруг.
И нас учил смотреть не в спины –
На лица, на деянья рук!

Я верю и в опасность *мельниц*,
И в смех коварных *бурдюков* –
Хитер сокрытых дел умелец,
Хитер кузнец людских оков!

Потом мы в Фатиму прибыли –
Есть невеликий городок,
В котором ангелы служили
У Пресвятых, Пречистых Ног!
 Там Богородица явилась
 Трем отрокам. Она дала
 Пророчества! И Солнце билось,
 Чтоб подтвердить Ее слова.
Пророчества об адских пытках,
О войнах, о большой Руси...
Но в этих чудо-зримых свитках
Не всё я понял... Уж прости,
 Товарищ мой. Там говорится,
 Что будут мирные года,
 Россия если возвратится
 Под Сердце Девы навсегда!
(Заметьте: «если» – значит фатум
Отсутствует! За нами шаг!
Мы в Мироздании не «атом» –
Свободны мы! Ведь Бог наш Благ!)
 Последнее я так толкую:
 Европа гибнет от «солдат».
 Опасность видим уж такую –
 Кругом летит террора чад!
Прости, Господь, что я циничен:
Из уст идут слова – не вой...
Сегодня этот слог обычен:
«В нем есть о Третьей... Мировой...»

От ужасающих видений
Меня прижало как плитой...
«Ходили люди... будто тени,
И все с убитою мечтой».

Но распрямили чтоб мы спину
И Новый вспомнили Завет,
Мы морем подошли к Турину –
В нем есть Предвестница Побед!
 Века в том городе хранится
 Свидетельница тех *Чудес* –
 Христа льняная Плащаница –
 В которой был Он и... Воскрес!
Когда Победой стал над смертью
И ада распахнул врата,
Встав для людей опорной Твердью
И к Богу Сущностью Моста!
 А Плащаница – как посланье
 Из тех веков для наших дней.
 Она поможет в испытанье
 Всё пережить – не страшно с ней!

И всё ж Европа заблудилась,
И на пути стоит стена.
Она уже переродилась –
Она столетия больна.
 Пускай не нам давать оценки,
 И ход истории не прост...

Всё началось с раскола Церкви,
И Запад в мир греховный врос.
Был вынут «камень преткновенья»,
И *трещина* пошла наверх,
И где века смыкают звенья,
Проник неистребимый грех.
И зло вписалось в *мир пресвятой*
Как часть его, как элемент, –
Как будто звук смягчили ватой,
Как будто приглушили свет.
У храма были мы в Париже –
Там формы бесов на стенах!
А «День святых»... Как падать ниже?!
Не свет, а тьма там в пеленах.

Так и свершилось: тамплиеры
Явились черным тем *зерном*,
Что потрясло основы веры
И страшно разрослось потом.
Сейчас живет их плод – масоны,
Внушенье через них идет.
«Бессмертных» и *нечистых* сонмы
Готовы взять нас в оборот.
Их представители у власти
Богатых, но безбожных стран.
Они не принимают части –
Им нужен мир! Вверху – тиран!

Когда мы шли через Европу,
За нами двигалась волна
Уродов, что ведут ко гробу.
Европа! Как же ты больна!

Зло и добро несовместимы,
И зла следы – в сердцах *металл!*
Они лишь Богом исправимы,
Иначе мир уже бы пал!

Любое оправданье *мрака* –
Как нам полезный элемент, –
Уже *нечистого* атака!
Уже победы зла момент!

Зло, как болезнь, – всегда опасно!
С ним слабнут крылья бытия!
(Об этом, верю, не напрасно,
С Бердяевым поспорил я.)

Спасти от чёрных туч и ливней,
Держать осаду до утра
Нам помогли чудесных линий
И чудных красок мастера.

Познавший страх ума покоя
И ведьм, летящих на метле,
Поэт изображенья – Гойя!
Он лица различал во мгле.

Свои волшебные гравюры
Земли и неба выставял

Пред ангелами смело Дюрер.
В печать он тайны душ вставлял.
 И заставляют сердце плакать,
 И надрываться слабый мозг
 Познавшие уродства мякоть –
 Конечно, Питер Брейгель, Босх.

Мы вспоминали то, что сзади,
То, что осталось за спиной...
И музыку играл Вивальди
Под слезы осени чужой,
 Но столь знакомой... как и радость
 На солнцем залитом лугу...
 И та ж печаль... и та ж усталость...
 Что и сказать я не могу.

Моей тревоги отраженьем
Потом Бетховен зазвучал...
Он следовал души движениям,
И пульсом он в висках стучал.
 Великие сыны Европы
 (Да разве только лишь они?!)
 Для нас прокладывали тропы –
 И мы в боренье не одни!

Чтоб всех нас как-то приободрить,
А то повесили мы нос,
Мудрец, с кем не придется спорить,
Читал стихи нам Роберт Бёрнс.
 И Стивенсон свои баллады
 Рассказывал нам у костра...

Мне было большего не надо.
Чуть отдохнули – в путь пора!

Но прежде расскажу о встрече.
Коллайдер где – одна из вех! –
Научные всё были речи,
Они, конечно, не для всех.
Там признавались и ошибки:
Ведь непрерывных нет полей,
Ну а пространства – это «слитки»
Частиц, что более нулей.

И естество всегда дискретно,
А непрерывность – лишь мираж.
Пусть это не везде заметно,
Но так и дух устроен наш.
В идее каждой есть движенье –
Своя есть форма, свой есть квант.
И опыты души – творенье
Тех квантов в общий «фолиант».

Да, есть единая частица
Пространства и всего, что в нём.
Иначе не осуществится
Движеньё – мы «ничто» пожнём.
А то, что электрон, как атом
Неисчерпаем – это чужь!
Но всё сказать... И в тексте сжатом,
Боюсь, не избежать мне луж.

А посему я возвращаюсь
К походу через Белый Свет.

С Европой я уже прощаюсь.
Но как ушли мы – вот ответ.
 Корабль, просторы бороздящий,
 Чей океан, путина чья,
 Рембо – волшебник настоящий –
 В кораблик детский для ручья
Мог превращать одной лишь строчкой,
Одним лишь словом на заре! –
И мы поплыли, это точно,
По улицам... лесам... Земле!
 И дали стали ближе, ближе...
 Мешались с явью наши сны...
 Пространство нам писал Куинджи.
 И плыли мы под свет Луны.

И снова о путешествии по России

Чтоб залечились наши раны,
Что оставляют «ветряки»
(В Европе «изменились» нравы),
Мы прямиком на Соловки!
 Твердыня Духа – лучшей доли
 Не сыщется под Солнцем вплоть
 До Неба! Всё бело от соли!
 «Вы – соль земли», – сказал Господь.
И Богу дар, и Жертва – тут же,
И искупление за нас,
А горе – затянули туже
Свой пояс... Да поможет Спас!

И Бог Свою являет Милость
К насельникам Руси Святой.
Душа народа воплотилась,
Тепло где сердцу и зимой.

В Санкт-Петербург когда мы вышли,
И темень солнца луч рассёк.
Я думал: как же это вышло,
Что *Малое* решает всё?!

Всего один собрал науки –
Российский университет!
И всё его умели руки.
Другой Россию вывел в свет!

Один создал Язык народа,
И двое – алфавит его...
Во время же лихого года
То очевиднее всего.

Пять танков немцев не пустили
Во град апостола Петра,
Панфиловцы собой закрыли
Москву, когда пришла пора!

Один страну поднял с коленей
В лихое время наших дней,
Когда уж не было сомнений
У ворога, что кончил с ней.
Но не гора же эти люди!
И великанам не родня.

В них Дух Святой ту силу будит,
А Дух сильнее, чем броня!

И здесь совсем неважно, сколько
Под Силой Господа стоит –
Всего один ли... два... «И только!»
И только. Только – *Монолит!*

Нас встретил Иоанн Кронштадтский –
Перекрестил, поцеловал,
И старца Фёдора по-братски,
Чуть поклонившись, он обнял.

Великий светоч и провидец,
Еще при жизни среди нас
Явлений Девы очевидец,
Как Солнце, дух его не гас!

Он ведал трудный путь России
И предсказал грядущий взлет.
Мы с дерзновением просили,
Чтоб рассказал он, что идет:
Какие беды, испытанья
Уже ступили на порог,
Какие верны ожиданья,
Но он сказал: «Всему свой срок».

Меня, конечно, видел тоже,
Хоть я не в теле при друзьях.
Сказал: моя достойна ноша,
Но чтоб не путался в стихах.

Потом святые удалились.
Друзья обдумывали план.
Минуты те не долго длились.
Простился с нами Иоанн.

Друзья посланьем занимались,
Всё проговаривая вслух,
Всё большее сказать старались,
Как и вещал Пресвятой Дух!
Один я возле них был праздный
И всё смотрел по сторонам –
К посланию я не причастный.
И отдавался лишь стихам.

Старался больше заприметить
И, по возможности, понять,
В «блокноте» (*мысленном*) отметить,
На *мысленный* «мобильник» снять.
Довольно странный явлен фактор:
Вначале всё со стороны
Описывал... почти как автор,
Теперь же явь моя – как сны!

Я вместе с ними даль встречаю
И ощущаю зной и град...
Меня порою замечают!
Со мной, бывает, говорят!

«Бывает так. Слова ведь вески...
И ты друзьями сочинен, –

Шепнул на ухо Достоевский. –
Что пишешь, тем и подчинен.
 А всё распутает, оценит,
 Поправит, если надо, слог...
 (Но то, что было, не изменит)
 Лишь Он – Творец! Читатель! Бог!»
Еще мы долго были вместе
С великим русским мудрецом.
Что не достоин я той чести,
Не выдавал он и лицом!

Как оказались возле Пскова,
Монахи вышли нас встречать.
Я вспоминаю снова, снова,
Что доводилось мне читать
 Об их монастыре, о братьях...
 Там был Крестьянкин Иоанн –
 Не принимает Дух изъятья:
 В *безбожье* он на Подвиг Зван!
Мне даже было всё знакомо,
И словно бы я здесь гостил...
Подумал вдруг, а как там дома?..
И почему-то загрустил...

Хоть лишь душою я в дороге,
Не знаю даже, ждут ли там...
«Ну хватит унывать, Безрогий!» –
Уж тут я волю дал словам!

Еще обидно, что не понят
Останусь я почти для всех.
И «сказку», что пишу, прогонят,
Поднимут всех друзей на смех.
Иль нашу кругосветку вырвут,
Иль философию склюют,
И выводы мои не примут,
Иль чуду не дадут приют...

«Твои герои – не “игрушки”,
И ко всему ты будь готов, –
Сказал мне по дороге Пушкин. –
И ртов поболе, чем платков.
Не торопись – на место встанут
Оценки, строчки и года.
Слова пустые в Лету канут...
Они ль поэта господа?!»
Ну вот я, кажется, и в норме –
Готовый летопись вести.
Глаза опять раздолье кормит –
Мои друзья опять в пути!

Вблизи Москвы нас посетили
Столпы духовные Руси!
Они – основа нашей силы,
За них нас, Господи, спаси!
Хранящий от лихих энергий
Во время смуты и войны

Наставник, преподобный Сергей –
Святой Игумен всей страны!

Святая матушка Матрона,
Увидевшая судеб сонм,
Сейчас ты возле Бога Трона,
Но слышишь даже слабый стон.
Ты помогла и мне, и близким –
Твоей молитвой чудеса
К земле спустились низко-низко,
И я увидел Небеса!

И были Оптинские старцы,
Принявшие Дары Небес!
Хотел бы с вами я остаться,
Но дух мой разве что белес.
До Неба не было пространства
От ваших рук, от ваших лиц,
Лишь келий скромное убранство
Скрывало Выси Божьих птиц!

Непобедима Русь – мы знаем,
Неважно, что там на часах:
Мы на молитвы уповаем,
Что вы творите в Небесах!

Когда мы подошли к Рязани,
Печалью хлынуло с полей,
А у берез качались длани –
Встречали, видимо, гостей.

Мелодия кругом струилась:
Тут речка пела, вторил дол...
И вся природа поклонилась,
Когда Есенин подошел.

И он с улыбкой поклонился.
Лучи играли в волосах,
А на ладони примостился
Воробушек, забыв про страх.
«Я рад, что наше вы местечко
Не миновали, не прошли...
Замерзли если, в доме печка,
И пироги уж подошли...

Я знаю, обо мне всё помнят,
Но лишь недавно стерли ложь
С моей души... А вот и кони!
Нигде быстрее не найдешь!
Они, как добрый ветер – мигом
По всем дорогам пронесут!
Так в путь! Не поминайте лихом!
Поклон родным – мы ждем их тут!»

И мы поплыли... полетели...
Не знаю даже, как сказать!
А листья золотой метели
Пытались в шутку нас догнать.

И надо ж, на опушке леса
Дорогу преградил медведь –

Чашобы вековой повеса,
Но он не стал рычать, реветь...
 Наоборот: посторонился,
 На нас спокойно посмотрев.
 Любой бы сразу удивился:
 В его глазах добро – не гнев.
И тут же старец вышел следом.
Да это мудрый Серафим!
К нему ходили за ответом,
И души озарялись им!
 Я тоже как-то утром зимним
 Почувствовал его тепло...
 А небо было синим-синим...
 Спокойно стало и светло.
Здесь Щит духовный под Саровом
И ядерный России щит –
Так Богородицы Покровом
Господь Россию защитит!
 Так было, есть и так же будет –
 Недаром сердце это зрит.
 Нас не сожгут и не остудят –
 Здесь Богородица Царит!
И старец Пламенный Саровский,
Своею «радостью» назвав,
Перекрестил нас по-отцовски,
И полетели мы стремглав!

О дороге домой

А вот и город мой родимый,
Ульяновск – правильной, Симбирск!
Отряд, в дорогах невредимый,
Дошел сюда! (Хотя был риск.)
 Дома... и улицы... Всё помню!
 Не сон ли это? Это был!
 Но с нами (видят все) не кони,
 А будто бы автомобиль.

Но что такое, что за пробка?
В груди заранее мозжит...
Подъехали поближе робко –
Собака сбитая лежит.

А песик, друг ее сердечный,
Всё тычет мордой в бок, в живот...
Он понимает смерть, конечно,
Но... лапами о шерсть скребет!
 Пытается поднять, подбросить...
 Не хочет верить он глазам.
 Не может... как же это... бросить...
 И будто бы скулит: «Я сам...»

Да только вырвана надежда –
С кем был, кого бы не отдал,
Теперь лежит... Коснувшись нежно,
Он вдруг беззвучно зарыдал.

Не слышно было даже стона,
А горло билось вверх и вниз...
Отдал бы руку я свободно
Взамен обидчика, чтоб грыз.

Я тоже потерял подругу.
Она живет не здесь – вдали.
И я метался, как по кругу...
Но вместе быть мы не могли.
И всё ж порой необъяснимо,
Возможно, как мечта... весна,
Моя любимая незримо
Со мною рядом – здесь она.

И я всем сердцем сохраняю
Ее любовь, ее тепло.
Но почему-то сам рыдаю...
(Печальку, видно, принесло).

Не знаю, что бы стало с ними –
Мы взяли пёсика к себе.
Аяврик – дали ему имя,
Как в старом фильме о тайге.
Подругу в парке схоронили –
При храме тихие места –
Поблизости мы просто были.
(А может быть, и неспроста.)

Андрей Блаженный был у дома –
Родной губернии святой –

Сказал: «Опасность тут огромна:
Проникла тьма к тебе домой!
Там колдовство настолько прочно,
Что ангидота не найти.
Но если всё предпримем срочно,
Удастся чары обойти».

Вошли в подъезд, потом в квартиру –
Пахнуло сыростью земли.
Мы, путешествуя по миру,
О том и думать не могли.

Я телом был парализован –
Лежал, как мертвый, на полу...
Вверху сидел влетевший ворон,
И шар катился по столу...

Игрушки стали неживыми,
Во всяком случае, на вид –
Как камни, хоть бросайся ими...
А как же путь наш? Долг? Разбит?!

«Осталось времени не много –
Прошло уж тридцать восемь дней,
Как Ос погиб. Два дня – и слога
Друзья не скажут для людей!

Они должны забраться в Сказку
И в дивный город – *Град Дорог*
Пройти, осилив страха тряску,
И встать на *жизненный порог*.

Они пробудят к жизни войско
И вместе с ним войдут сюда,
Где планы зла под пламя воска
Сгорят бесславно, без следа!

А *Сказка* эта выступает
Частично в комнату твою –
О том пока никто не знает.
Я с удивлением смотрю...

«Здесь только “айсберга верхушка”,
Но что-то можно различить:
На западной стене опушка
Большого леса. Проскочить

Ее без риска невозможно:
Тут бродят звери... странный холм –
Идти здесь надо осторожно,
Иначе не найдись потом!

Гора *Часы* и великаны,
Пещера звуков, сад камней...
В душе тут множатся изьяны:
Богач – жадней, бедняк – бедней...

Стена восточная – град дивный
Больших и маленьких дорог.
Он нам сейчас необходимый,
Тут лишь окраины кусок

И армия солдат могучих,
Которых надо привести.
Я верю, будет так! Но случай...
Всё дело может подвести.

Лежит между стенами пропасть,
Ее и нужно обойти,
Всей волей подавляя робость!
Иначе дело не спасти».

«Давайте же друзей поставим
На той – восточной стороне,
И все опасности оставим
Вдали!» Но возразили мне:

«Туда подходы ворожей
Закрыли будто бы стеной –
Не подойти. Одно решенье:
Друзей направить в край иной.

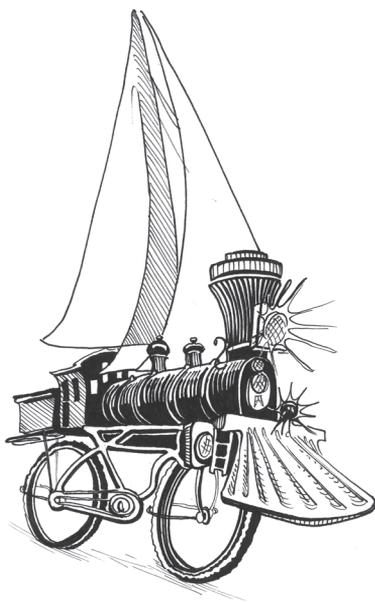
Мы их на западные полки,
Минутку добрую лоя, –
В лесу ведь могут быть и волки, –
Поставим, в путь благословя». –

«А как же в сказку ту включиться,
Ведь мы живем реальным днем
И не успеем научиться?» –
«Мы Андерсена позовем».

И сразу легче стало душам,
Как будто в них исчез изъян,
Когда махнул плащом воздушным
Всем сказкам друг – Ганс Христиан.

«Мы в *Сказку* и тебя отправим –
Вновь только *взор*, – сказали мне. –
Аяврика тут не оставим –
С друзьями будем наравне».

Перекрестил Андрей Блаженный,
И ярче заблистал Восток,
И в вихре сказочных кружений
Звучало: «В Город всех Дорог!»



***Глава восьмая, в которой говорится
о путешествии друзей по миру
сказки, частично выходящем
в мою комнату, об удивительном
и загадочном Городе Дорог
и о завершении данного игрушкам
поручения.***

***О стране, находящейся возле пропасти
и об увлеченном волшебнике***

Лес находился в отдаленье,
Лишь одинокие росли
Деревья здесь, и их коренья
Кругом торчали из земли.

Привыкнуть ко всему несложно:
У многого обычный вид,
Но почему-то здесь тревожно.
На небе пасмурно. Сквозит.

Неподалеку холм высокий,
Идут дороги с двух сторон.
Растет как будто бы осока
Да клевер, где тенистый склон.

«Деревья... мне неясно что-то? —
Солдат заметил на ходу. —

Одно всё, будто осень, жёлто,
Другое, как весной, в цвету...»

И тут, похоже, что ребенок
Заплакал жалобно в яслях –
То был несчастный олененок,
Лежащий прямо на камнях.
 Была с ним рядом черепашка –
 От нашей трудно отличить
 По росту. Этой было тяжко:
 Пыталась друга оттащить.

Медведь спросил: «Что тут случилось?
Наверно, можем мы помочь!» –
«У друга ножка подкосилась –
Не убежать отсюда прочь». –
 «Кого боитесь? Так напрасно –
 Мы вас сумеем защитить!» –
 «Вы – иноземцы, это ясно,
 Коль не хотели пошутить.

Лохматых, мягких и безрогих
Выбрасывают в бездны пасть,
А уж увечным и убогим
Еще быстрее тут пропасть.
 Повсюду ходят великаны
 И собирают бездне дань.
 Они теперь как истуканы.
 Попробуй, олененок, встань!

А раньше поступали мудро
И помогали всем подряд.
Но жизнь переменилась круто,
Когда колдун сменил наряд...»

«Колдун? Кто он такой? Ответьте!
И что же тут произошло?!» –
«В наш добрым мир ворвался ветер,
И всюду расселилось зло.
 У нас прекрасный жил волшебник.
 Гордился им и стар и млад.
 На всё имел он свой “решешник”,
 И всё он выправлял на лад.

А главное, мечты умел он
В действительность переносить:
Ботинки нарисуй, хоть мелом...
И можешь их уже носить!
 Не знали ни хлопот, ни горя,
 Но всё же не забыли труд:
 От тех чудес была лишь доля
 Того, что создавалось тут.

Но город наш граничит с бездной.
Об этом страшно говорить.
Что там творится, неизвестно –
Мы к ней боимся подходить.
 По слухам, из нее взлетают
 Чудовища любых мастей,
 Но сразу в воздухе все тают,
 Не оставляя и “костей”.

Так вот однажды наш чудесник
Сидел у бездны на краю,
Читал газету нашу “Вестник”
И правил магию свою.

А тень, нырнувшая из бездны,
Попала в это волшебство...
Как это стало ей *полезно* –
Волшебник дал ей естество!

И силу *быть*, и время выжить
Вдруг получила нечисть та,
И чтоб как можно больше выжать,
Вошла в сознание мудреца!

Теперь сидит он там, на крае,
И оживляет всплеск теней.
А этим весь наш мир карает –
Уж не было погожих дней:

Ожившие во тьме уродцы
Вошли во многие умы –
Как будто брошен яд в колодцы.
Всё – территория тюрьмы!

У них и великаны служат,
И звери бездну стерегут...
Колдун же ворожбою кружит –
Талантом полнит зла сосуд.

Часы-гора спешат, как вьюга –
За ними больше не успеть,
Не выйти из дурного круга,
И жизни впору онеметь.

Не успевая за часами,
Остановился жизни ход –
Цветы становятся камнями,
На деревьях замер целый год.
Где осень, где весна застыли,
Где ветви голые торчат.
Что было, мы уже забыли,
А бездна умножает чад!»

«Нам говорили про дорожки
Вокруг холма...» – спросил Солдат.
«Да, это было как окошко...
Теперь – иначе, говорят.
А раньше: коль пойдешь ты справа,
Узнаешь, что лежит внутри –
Какие цели тайно правят
Тобой. И там уж сам смотри.
Пойдешь ты слева – станет ясно,
Куда сегодня мир спешит,
Где будет трудно и опасно,
Где следует подставить щит.
Нет, это не сродни гаданью –
Холм наше зренье расширял –
Обогащалось наше знанье...
Теперь колдун и то забрал:
Пройдешь ты справа – и заглушишь
И совесть с сердцем, и мечты.
Пойдешь ты слева – и закружишь,
Забыв реальности черты.

Еще у нас была пещера,
Откуда музыка лилась, –
Такого не найти примера –
“Покоем ран” она звалась.
С обидой, с горем тут садились
Под самоцветный дивный свод
И этой музыкой лечились...
Теперь пещера души рвет!

Быстрее к дереву *с весною* –
Наш деревянный носорог
Идет сюда! Чтоб с головою
Не разлучил нас страшный рог!»
Невдалеке прошла громада –
Не носорог, а три бревна.
«Теперь его страшиться надо –
И в этом колдуна вина!»

«А где сидит он, ваш волшебник?» –
«Под древом осени сейчас –
Кусты из кварца, луг, вишенник
Пройдете, там и он как раз.
Но охраняет неусыпно
Его зубастое зверье!» –
«Уйти и не помочь – обидно! –
Медведь сказал. – Зверьё – моё!
Поможет Носорог, Аяврик,
Солдат же скрутит колдуна.

Любой из нас отнять не гаврик –
Всего отведали сполна!»
Они присели напоследок
Под древо в розовых цветах –
Спокойно от прекрасных веток, –
А встав, сказали: «Будет так!»

Из птиц была охрана снята,
Но встала новая за ней!
Наш Носорог свалил собрата,
Что был как будто из камней.
Медведь ударил бегемота –
Тот рухнул, выйдя из «игры».
Аяврик зазевался что-то,
И прыгнул желтый лев с горы!
Потом его Медведь зацапал,
Но пёс над пропастью висел –
За кочку зацепилась лапа...
Солдат спасти его успел!
И сразу к колдуну – ремнями
Связал его и повалил!
Парили тени над камнями,
Но им недоставало сил.

Тут Носорог подставил спину –
Пёс мага на нее взвалил,
И потащили на вершину –
Узнает пусть, что натворил!
Увидев страха панораму,
Колдун лишился сил и сник...

Но то не завершило драму:
В нем снова образ зла возник.
«Давайте всё расскажем с вами!
И ужасы его проймут!» –
«Нет, души мыслят не словами –
В них только образы живут!»

«Тут нужно чудо, а не проза, –
Сказала Черепашка вдруг. –
Смотрите, на пригорке роза!
Сорви ее, лохматый друг!»
Она не сделала и шага,
Как пёсик розу ту принес.
И под потоки действия мага
Внесли ее... Маг как прирос!

Ведь роза обратилась в деву
Необычайной красоты,
Что помешало злему делу –
В душе волшебника... цветы!
В его сознание встали рядом
То, что творил, и этот *Свет*.
Аж пот холодный брызнул градом –
Маг сам себе давал ответ!

Уродцев тени не вмещались
В душе прозревшей, уж иной,
И постепенно уменьшались...
Но маг был бледен как больной.

«Есть дерево – его плодами
Вам мага следует лечить.

Оно за синими прудами.
Поможет сок отраву смыть», –
Сказали местные и древо
Быстрее помогли найти.
Еще клубилась тьма от гнева,
Пыталась сквозь глаза войти.

Но скоро стал волшебник крепок
И руки супротив поднял...
Остался от уродов слепок
На скалах! (Я его «заснял».)

И постепенно, шаг за шагом
Всё встало на круги своя:
Волшебник, умножая благо,
И день, и ночь сидел творя.
Осталась дева с ним женою.
Два великана, носорог
Со всею братией лесною
На свадьбу выпекли пирог!

Все кушанья и нам достались.
Кричали «горько!», пили мёд...
Просили нас, чтобы остались,
Но Град Дорог, сказали, ждёт!
А к пропасти теперь заказан
Путь каждому – стоит стена.
Ведь этот край уж был наказан,
И не забудется война.

***О том, как спасли народ, переселив
его на листья огромных деревьев***

Нас дальше встретило ущелье –
Деревья там повыше гор!
А люди жили будто в щели –
Сырой и темный каждый двор.

Но листья до того огромны
Достигших облака ветвей, –
Не здания – аэродромы
Вместились бы, и сто церквей!

А солнце – как лучей фонтаны,
А сок – живые родники!
Как были б счастливы тут страны!
Но люди там, где пауки...

Там, где болезни процветают,
Где пахнет сгнившею корой.
Народ слабеет, люди тают
Внизу под черною горой.

Мы подходили к тем несчастным –
Они едва ходить могли.
Они смотрели безучастно,
И в яму годы их текли.

Друзья мои всё дознавались,
Как вышло так, что все внизу,
Когда в лучах бы там купались,
Душою пили бы красу!

«Считали мы, что так надежней
И больше силы сбережём,
И замысел пустопорожний
Забраться вверх. Здесь разожжем
 Себе костры и быт устроим!
 Темно и сыро – не беда:
 Домов хороших понастроим...
 Не страшны зной и холода!

Зачем всегда быть в напряженье –
Спускаться, подниматься вновь?
Внизу остаться – вот решенье!
Но было то не в глаз, а в бровь.

 Болеть мы стали очень часто,
 Слабели все не по годам
 И понимали, что напрасно
 Остались – лучше было б там!

Но лезть уж стало не под силу –
Смирились мы с судьбой своей
И стали все копать могилу.
Нам не дожидаться лучших дней...»

Тут рядом с нами пробежала
Больная женщина одна.
Она дитя в руках держала,
Кричала: «Не его вина!»

 Стеная, подняла ребенка
 Как можно выше – к облакам.

Сказала что-то, уж негромко,
Вблизи вспорхнувшим мотылькам.
Потом упала без движенья,
Дитя не выпустив из рук.
Над ними было лишь круженье
Тех мотыльков, их крыльев звук.

«Сошла с ума, – сказал прохожий. –
Мы же решили не роптать!
Как хорошо: прибрал их, Боже...
Нельзя о сказочно мечтать!» –
 «Нет, жив ребенок, жив сынишка! –
 Солдат от радости плясал. –
 Двоих в секунду... – было б слишком!» –
 «А жаль...» – прохожий тот сказал.

Друзья задумались серьезно,
Несчастных этих как спасти!
Поднять их вверх, пока не поздно?
Но как туда перенести?
 «Поможет блочная система, –
 Сказал Солдат. – Я смастерю!» –
 «И год работать будет схема –
 Придем к другому ноябрю». –
«Да, прав Медведь – я не подумал...
Другое надо предпринять.
Как жаль, не голубь я, не турман,
И самолет нам не нанять».

«Что, – встряла Муська, – “самолеты”!

Отсюда тысяч в пять шагов,

Когда мы обходили гроты,

Я видела больших жуков!

Они огромные, из бронзы,

И силища – не занимать!

Им рассказать бы наши слёзы

И на часок сюда позвать!»

И Носорог с Медведем тут же

Жуков отправились искать.

Они прошли в долину глубже

И стали кто как мог свистать.

Не истекло и трех минуток,

Как бледно-желтые жуки –

Чей внешний вид довольно жуток –

Спустили к ним свои клыки.

Дышали шумно и утробно...

Друзья же, робость поборов,

Всё рассказали им подробно,

Но не было ответных слов.

Жуки совсем не говорили,

Но были умны и добры.

Они всей кучей сразу взмыли –

В секунды были у горы!

Когда друзья пришли туда же,

Трудились эти существа –

Жуки несли людей, поклажи...
Под небом их ждала листва!

Порой кричали: «Погодите!»
И сильно упирались нам!
Им отвечали: «Захотите –
Обратно спуститесь к корням».

Никто, однако, не спустился.
А здоровели на глазах!
Огромный город разместился
На удивительных листах.

Нет, нет, я не люблю насилье!
За самобытность, свод свобод...
Но часто нужно нам усилье,
Иначе слабость не пройдет.

Болезнь порою подчиняет:
Упущен час, и злись не злись,
А душу под себя меняет.
Без силы тут не обойтись!

Лечение требует и боли,
Болезнь ведь тоже боль дает.
Но шаг конечный – в нашей воли,
Его никто не заберет!

Внизу лишь ящерка осталась –
Родное ей ущелья дно.

Она счастливо обреталась
Среди камней уже давно.
А нас перенесла повыше
Жуков подруга – стрекоза.
Ее крыло достало б крыши,
С окно огромные глаза!

Я тут задумался: ущелье,
Деревья с городом людей –
Куда сейчас пришло веселье... –
Где это в комнате моей?
Да это ж пальма возле полка!
Она мне создает уют.
Отныне тайны сорван полог,
Теперь я знаю – там живут!
И мальчик там живет, спасенный
Благодаря большим жукам,
Народ, на крыльях вознесенный
Поближе к солнцу, к облакам!
А дальше? Дальше подоконник
И комнаты моей окно
На улицу, а не во дворик,
Что же готовит нам оно?

***О том, как народ, живущий
на подоконнике, перестал бояться
окружающего его мира***

Простившись с чудо-стрекозою,
Мы оказались у домов,
Накрытых толем иль кирзою,
Как коробом почти без швов.

Подумали, они пустые,
Прислушались – сопят, храпят...
Какие люди здесь чудные:
Свет за окном – они все спят!

Мы проходили так до ночи,
Хотели на ночлег уж встать...
Но к ночи жизнь тут стала громче,
Дома все стали раскрывать...

Повыходили на крылечки,
Зажгли повсюду фонари!
Костры и лампы, печки, свечки...
Светло, хоть мелкий шриффт смотри!

И забурлила жизнь повсюду –
Страна, как днем, освещена!
И нет конца ночному гуду!
К утру же снова тишина.

Солдат остановил карету,
Чтоб расспросить про странный быт.
«Боимся мы поддаться “свету” –
Кто знает, что он сотворит?!

У нас тут чудеса творятся:
Полсуток всё светлым-светло.
Ну как того нам не бояться,
Ведь этот свет, возможно, – зло?!

И разве можно подчиняться
Чему-то данному извне?!

В чем света цель? А может статься,
Что смерть в небесном том огне!
По-своему тогда решили
Устроить всё – как мы хотим!
От света коробки нашили –
Непроницаемые им!

А как уходит свет злосчастный,
Мы тут же зажигаем свой!
Ведь он уж точно неопасный!
Забыл сказать, ведь слышен вой,
Когда тот внешний свет гуляет,
Мы слышим сильный низкий шум.
Откуда он, никто не знает!
Уж мудрецы сломали ум!

Как ни крути, должны укрыться
От всех навязанных чудес.
Ведь крепость дом! Как говорится.
С усами сами! (Пусть и без.)
Лицо он бритое погладил.
И мы ушли – нас Город ждет!
Но стон услышали вдруг сзади –
Из всех домов стонал народ!

Беду предвидеть было можно:
Запас ресурсов их иссяк –
Они их тратили безбожно,
И ночью воцарился мрак!
 Застыли шахты и заводы,
 И дети в школы не пошли,
 Не приняли в больницы роды –
 Угля в достатке не нашли!

А утром будет «ночь» другая –
От страха ложного за жизнь.
Так мраку не видать и края.
Всё кончено, хоть в гроб ложись!

«Их надо выманить наружу,
Как рассветет – погибнут ведь.
Тут наш пример, наверно, нужен», –
Задумавшись, сказал Медведь.
 Все согласились без сомненья
 И воплотили утром план:
 Когда рассвет вошел в селенье,
 Солдат ударил в барабан,
Аярик лаять стал надрывно,
Пустились остальные в смех!
Пусть кто-то скажет, что наивно,
Но план всё ж возымел успех!

Из всех щелей смотрели люди
На тех, кто на свету шумел, –

Никто не губит их, не судит...
А Белый Свет и вправду бел!
 И стали выходить наружу –
 Тихонечко, по одному.
 И шум наш скоро стал не нужен:
 Все здесь, нет никого в дому!

В глазах растерянность и радость,
Досада за былые дни...
Мы совершили только малость –
Всё победят теперь они!

Заполнят топливные склады,
Изменят... Сладят... Поднажмут!
И свету утром будут рады,
Источники его поймут!
 Они смелее станут, зорче.
 О мире будут знать ином,
 Постигнут смену дня и ночи,
 И звука (за моим окном)!

Возможно даже, нас обгонят,
Найдя дорогу за стеной.
Поймут закон, что здесь не понят.
И установят связь со мной!

Мы с легким сердцем оставляли
Открывших новый горизонт –
Нас ожидать устали дали,
Ведь Град Дорог уже вот-вот!



Он говорил, что все живые, /
И все они – его друзья.



...Вчера в руке не видел палки. /
Как сильно сдал – смотреть нет сил».



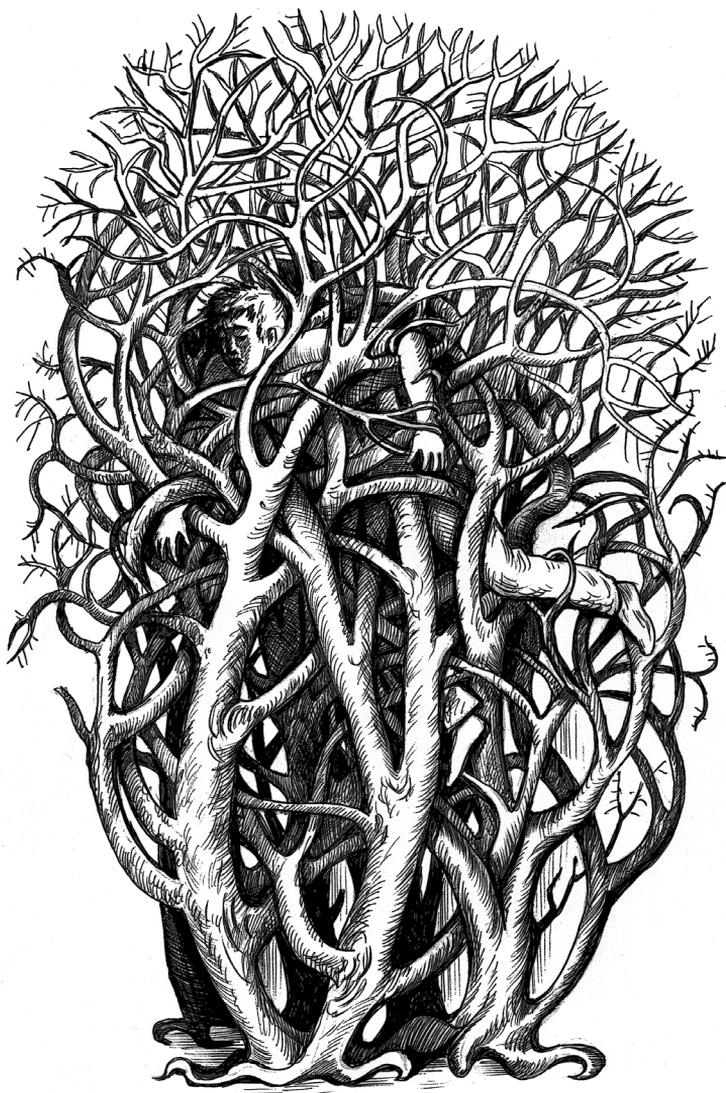
И понесло их над домами /
На рваном сумрачном крыле...



Вот так, совсем не понимая, /
Кот на экране текст явил



...Чтобы теперь поверил в счастье, /
Ростки сошли к нему в овраг.



Действительно, кого-то ветки /
Обвили, будто бы удав.



У Врат тех Ангелы стояли – /
В руках горящие мечи...



Тот мир лишь ветка Мирозданья,
А как торжественно высок!



И мы поплыли, это точно, /
По улицам... лесам... Земле!



Вверху сидел влетевший ворон, /
И шар катился по столу...



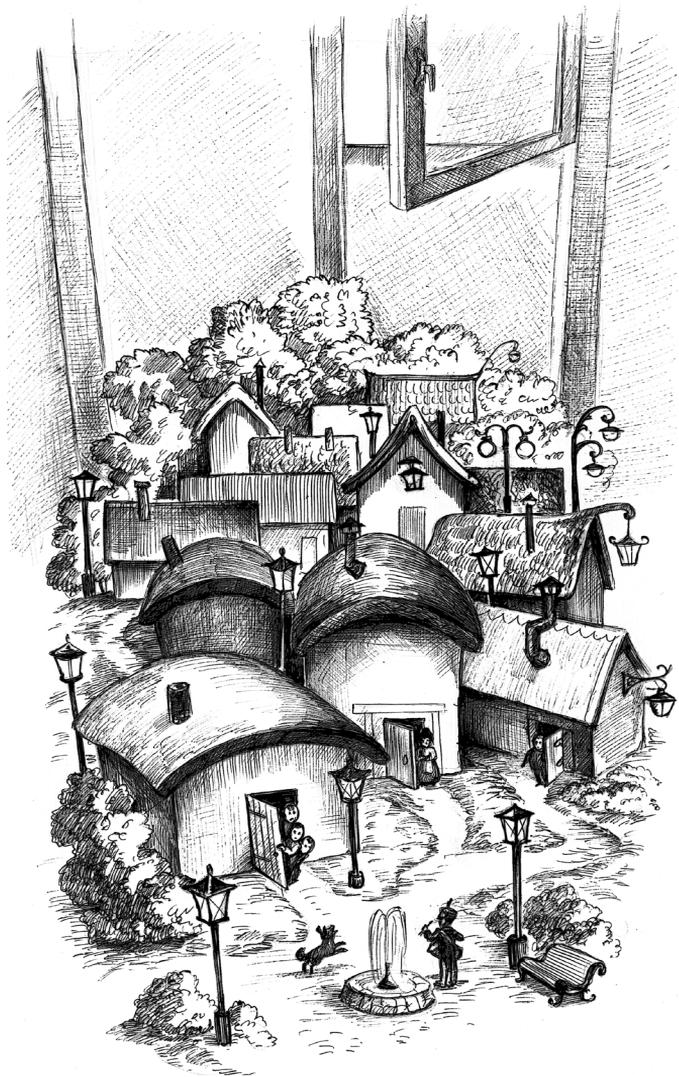
А тень, нырнувшая из бездны, /
Попала в это волшебство...



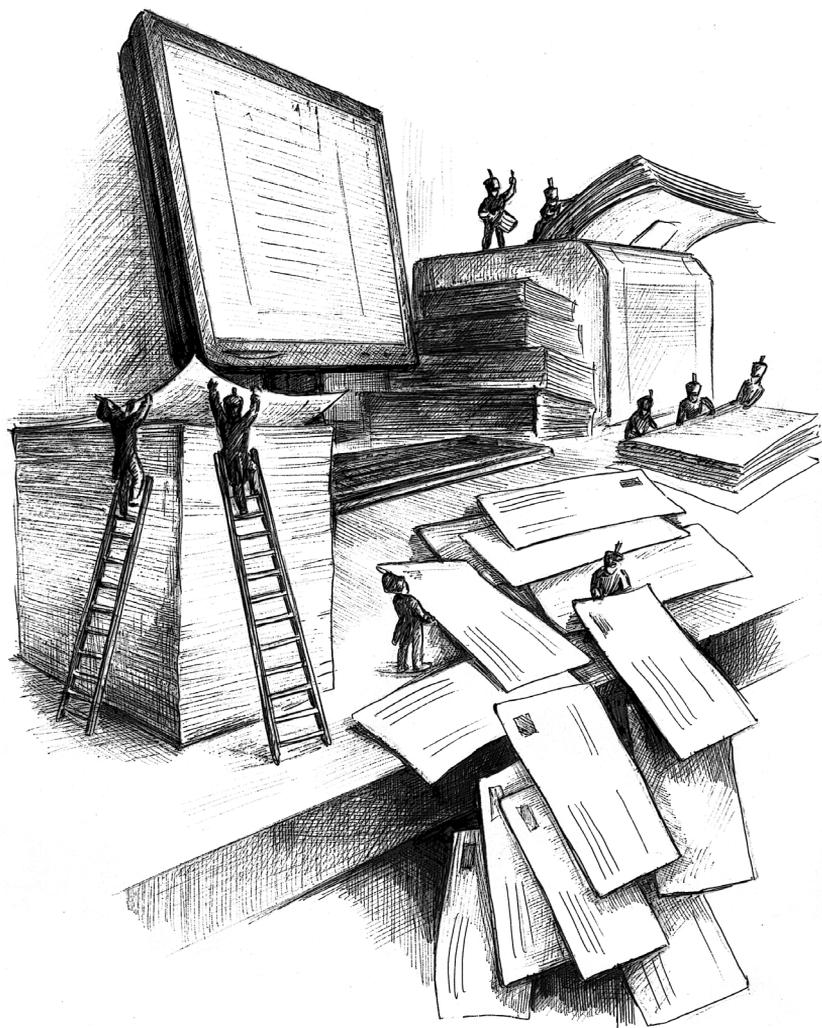
Деревья там повыше гор! /
А люди жили будто в щели...



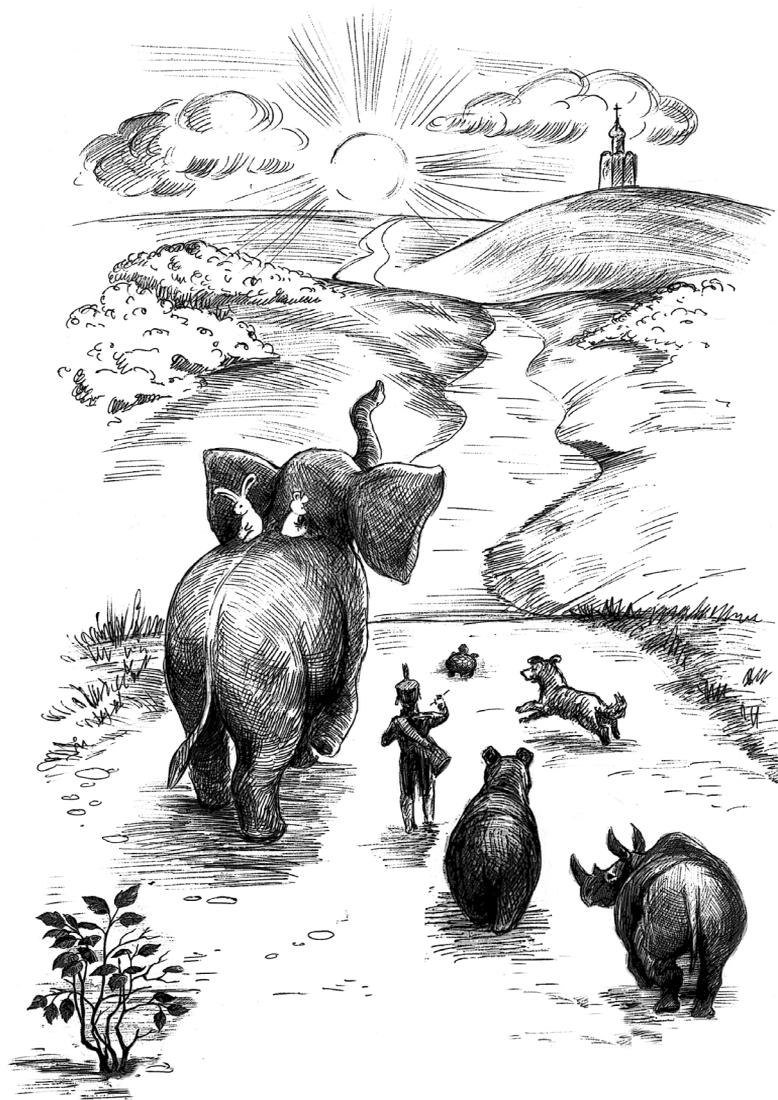
Жуки несли людей, поклажи... /
Под небом их ждала листва!



Мы оказались у домов, /
Накрытых толем иль кирзою,



Мои солдатики ожили – /.../
Включили принтеры – в печать!



Дорога, ты моя дорога, /
К Восходу – к Солнцу нас веди!

О том, какой он, ГОРОД ДОРОГ

Огромный Город простирался
На континент, на весь восток,
Великим морем омывался,
На Небе был его исток!
Там на горе Орел могучий
Над Градом крылья расправлял,
А Голос добрый и певучий
Тем Градом верно управлял.

Отсюда начинались вехи
Еще не пройденных дорог,
И оставляли здесь навеки
Свой след, кто путь осилить смог!

И у меня возникли мысли,
Что тут совсем не сказок пир.
Тут даже глубже неба выси –
Уходит Город в Горный мир.
Мы шли с неодолимой дрожью,
А красота входила в нас.
Во всём я видел Руку Божью.
Отсюда виден мой рассказ!

Отсюда наши приключения
И направлялись, и велись –
Мы видели минут свеченье,
Что так, как нужно, удались!

Нас провожали, нас встречали
Все люди Города Дорог,

И звери мордами качали,
Тут даже был единорог!
 Без страха войско охраняло
 Все рубежи от бед и зла.
 Солдаты будто с пьедестала!
 И силе этой нет числа!
Нас пригласили прямо к Трону,
Где Голос заревом горел!
(Подробней Образ тот не трону –
Я всё же не настолько смел...
 И есть еще в одном сомненья,
 О чем я тоже умолчу –
 Боюсь ошибки откровенья.
 Зажгу-ка лучше я свечу!)

Как пред Царём все преклонились,
И было сказано друзьям:
«Дошли вы, не остановились!
За это помощь будет вам.
 Пойдет за вами в мир Вселенной
 Отсюда армия солдат!
 Они пред тьмою несогбенны!
 Их Наши крылья защитят!
По мертвой пыли придорожной
Дано со *словом* им идти.
Они помогут то, что должно,
И завершить, и донести.

Заряд той жизни, что был даден
В начале вашего пути,
Вы передайте, Правды ради,
Слегка коснувшись их груди.

Вы вместе сможете границу
Между мирами пересечь.
Откройте новую *страницу!*
Минутам разрешаю течь».

***О завершении миссии – о том,
как было напечатано
и отправлено послание***

Когда друзья всё совершили,
Я видел *свет*, вошедший в тлен!
Мои солдатики ожили –
И армия сошла со стен!

И за работу дружно тут же! –
Друзья им стали диктовать...
И тьмой навеянная стужа
Уж не могла прорыв сорвать!

Мои компьютеры включили
И ну по клавишам стучать!
(Где это всё они учили?)
Включили принтеры – в печать!

Бумаги было в доме много, –
Иначе трудно бы пришлось, –
И начиная от пролога,
Посланье всё лилось, лилось...

Вдруг электричество отняли –
Понятно мне, чей это след.
Но указанья группе дали,
И через пять минут был свет!
 И снова текст они вбивали,
 Как будто шло семь поездов!
 Друзья мои всё диктовали...
 Как жалко, я не слышал слов.

Уже я понимал отчасти,
Посланье это что несло.
Но всё узнать не в нашей власти –
Пока что время не пришло.

Да, кстати, стало мне полегче –
Ослабевала ворожба.
Еще ломило ноги, плечи,
Но тьмой проиграна борьба!
 Я наблюдал, как труд вершится,
 Стараясь только не мешать,
 Ведь я могу и ошибиться,
 А нужно очень поспешать!

Уже не дни – часы остались,
Как завершится данный срок,
И как бы после ни старались,
Придет конец для наших строк!

Еще рывок! Чуть-чуть... полдюйма...
И текста кончена печать!
Но дел пока осталась уйма:
Посланье ведь должны узнать!

И всё ж конец работы близок!
Конверты... Клей... И адреса...
У них был адресатов список!
Кто в нем, не знаю точно сам.

Организации и люди...
Журналы, власти... Кто еще?
А результат в итоге будет?
Тут все сомнения не в счет!
 Своё мы выполняем дело,
 И жилы рвать должны **свои**,
 Чтоб Правда в **нас** не онемела,
 На **нас** чтоб не пришлись сбои!

Своё свершим, а Бог поможет,
Что должно, дальше пронести
И на кого-то груз возложит,
И сможет то, что есть, спасти!

А что *посланье*? Всё успели,
Куда положено, отдать!
И на прощанье песню спели –
Мотива, жаль, не передать.

Вместо эпилога

Теперь Аяврик жил со мною –
Любимый пёс мой, друг и брат!
Нам будет веселей зимою.
И он, похоже, тоже рад.
 Дремать он будет у дивана,
 А я ему читать стихи.

Мы вместе будто с детства – странно.
Но были дни его лихи.

Да, главное. Как всё свершилось,
Нас посетил тот самый Ос.
Недолго эта встреча длилась,
А будто век (хоть и без слёз).

Но отгадайте, с кем пришел он:
С подругой пёсика – в наш дом.
Любовью и разлукой полон
Был каждый миг у них вдвоем.

Судьбы моей сменилась краска,
Читатель мой, хоть верь не верь!
Наверно, потому что *сказка* –
С Любимой вместе мы теперь!

Всё с Танюшкой отныне делим, –
И потому не трудно нам, –
Печали, радости, метели...
И день, и вечер – пополам.

Друзья мои, пройдя достойно
От вод глубоких до огня,
Теперь «игрушками» спокойно
Стоят на полке у меня.

Все думали: как время выйдет,
Их жизнь покинет... Но Господь
Всех верных Богу не обидит –
И Чудо осенило плоть!

Они живые, как и были,
И армия литых солдат,
Что тьму в конце пути разбили,
Для видимости лишь стоят.

Когда ж покой довольно долог,
Иль по ночам, когда темно,
Они уходят с пыльных полок,
А вот куда – знать не дано.

Дозором, может быть, шагают,
Когда грозит нам час худой,
Или как прежде помогают
Кому-то справиться с бедой.

А время наше столь тревожно,
Что давит груз, несомый им.
С *разбуженным* неосторожно
Уже вплотную мы стоим.

Пусть этого никто не хочет,
Событий ход применит власть.
У зла уже набухли почки,
От наших сил им не опасть.

Но Бог свершит, что невозможно!
А ты не дай душе остыть
И делай сам, что делать должно –
Пусть будет то, чему и быть!

Игрушки для меня как дети,
И угли сердце обожгли,
Когда недавно я заметил:
Их нет со мной – они ушли.

Наверное, позвали снова,
Но без меня на этот раз –
Им снова без тепла и кровя
Писать уже не мой рассказ.

Ушли и два пушистых «чуда»:
Зайчонок, Мышка, с ними Слон.

В дороге крохам было б трудно,
Но Слон поможет – сильный он.
 Себе на горб он их посадит,
 И не отстанут от других.
 Но сердце почему-то саднит...
 Особенно за молодых.

Они приснились мне под утро.
Там у дороги куст шумел...
Друзья кивнули мне как будто,
А я им долго вслед смотрел...
 Я видел спину Носорога –
 Без шара! – шел он позади...
 Дорога, ты моя дорога,
 К Восходу – к Солнцу нас веди!



*Написано Анатолием Михайловичем
Шутым (укр. Безрогий) в первой
половине 2017-го года от Рождества
Христово, в городе Ульяновске, ранее
Симбирске, в квартире номер пятнадцать
пятиэтажного дома напротив Спасо-
Вознесенского кафедрального собора.*

Оглавление

Глава первая, в которой говорится о страшном происшествии и последующем за ним удивительном чуде, соединившем горе и радость	3
О неизвестном ученом, который любил мечтать и смотреть в окно	4
О его игрушках	6
О страшном и печальном происшествии	8
Об удивительном чуде, по неизвестным пока причинам последовавшем за трагедией.....	8
О Муське – черепашке, жившей в семье до описываемых событий	11
О появлении ушедшего в мир иной хозяина игрушек и открытии тайны происходящего..	12
О начале путешествия друзей и о растворенных в воздухе голосах из прошлого	15
Глава вторая, в которой говорится о путешествии друзей по родному городу и о тех, кому они смогли помочь	17
О дороге, что рядом, на которой и мечта, и память.....	17
О приветливом разговорчивом кустике, об отце и сыне	20
О спасенной входящей в этот мир новой жизни.....	29
О страшном случае, произошедшем с Черепашкой, и о том, что, оказывается, зло идет за нашими героями по пятам и всегда готово напасть	32
О том, как буря разбросала друзей	39
О том, как разлука может в конечном итоге привести к долгожданной встрече	42
О том, как случай может соединить двух людей и как этот «случай» был создан	46
О том, как Медведь провалился в колодец, об опасном сумасшедшем и добром прохожем.....	51
О том, как игрушки прятались под скамейкой и рассказывали о себе.....	54
О том, как друзья пошли на риск, чтобы подарить ребенку счастье.....	58
О спасении бедной собачки	65
Об атаке зла железными зубами, огнем и водой, которая завершила первое путешествие друзей	67
Глава третья, в которой говорится о чувствах и переживаниях, охватывающих душу при переходе между мирами.	71
Глава четвертая, в которой говорится о путешествиях друзей в ином мире, где огрехи человеческой жизни и души становятся зримыми, формируя окружающее	81
О человеке, попавшем в яму своих тяжелых воспоминаний и угрызений совести	82
О человеке, плененном стеной собственных научных идей.....	87
О людях, схваченных деревьями тягостных сомнений и неверия.....	90
О людях, увлекаемых потоками страстей	93
О том, как наши путешественники чуть не погибли в толпе	96
О людях, захваченных песками сует	98
Глава пятая, в которой рассказано, как друзья в мире океана-воспоминаний помогли человеку вспомнить главное в его жизни и тем самым излечить душу для входа в миры Света.	104

Первые воспоминания.....	110
Папа	111
Удивительные детские впечатления и фантазии.....	112
Мама	116
Наши бессловесные друзья	118
Ощущения счастья	121
Друзья	123
Минуты с Богом	125
О тех днях	126
О любимой	127
В преддверии Мира	128

Глава шестая, в которой рассказано о Божественных мирах и о том, что друзья получили знание о бытии души, ее предназначении, о существах, отошедших от Бога, и их кознях.

	130
--	-----

Об удивительных пространствах Вола, Орла, Льва, Ангела... ..	131
О Боге и душе	135
О демонах	138
О земном мире	141
О «бессмертных» и демонических соблазнах.....	143

Глава седьмая, в которой повествуется о кругосветном путешествии героев, загадочных местах и встречах с известными людьми.....

	148
О путешествии в Старую Майну – на родину моих родителей и на могилы родных	148
О путешествии с Иваном Шишкиным	151
О путешествии к истокам России и православия	154
О путешествии по российским просторам и о вторжениях «бессмертных».....	159
О путешествии по Америке.....	167
О путешествии по Европе.....	172
И снова о путешествии по России.....	179
О дороге домой.....	188

Глава восьмая, в которой говорится о путешествии друзей по миру сказки, частично выходящем в мою комнату, об удивительном загадочном Городе Дорог и о завершении данного приключения

	194
--	-----

О стране, находящейся возле пропасти и об увлеченном волшебнике.....	194
О том, как спасли народ, переселив его на листья огромных деревьев.....	203
О том, как народ, живущий на подоконнике, перестал бояться окружающего его мира	209
О том, какой он, ГОРОД ДОРОГ	213
О завершении миссии – о том, как было напечатано и отправлено послание	215
Вместо эпилога	217

Литературно-художественное издание

ШУТЫЙ Анатолий Михайлович

ГОРОД ДОРОГ
Сказочная поэма о путешествиях
оживших игрушек

Корректор Лариса Николаева

Верстка Анжелика Григорьева

Художники:

Наталья Пастушенко (иллюстрации и виньетки)

Марина Большакова (иллюстрации).

На обложке фото Александра Четверкина

ЛР № 020640 от 22.10.97.

Подписано в печать 14.11.2017. Формат 60х84/16.

Усл. печ. л. 13,02. Тираж 130 экз. Заказ 940.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

432027, Ульяновск, Сев. Венец, 32.

ИПК «Венец» УлГТУ, 432027, Ульяновск, Сев. Венец, 32.



Анатолий Шутый

Город Дорог

Сказочная поэма о путешествиях
оживших игрушек